

БРАТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЮГОСЛАВИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ НОМЕР

Veoma cijenim inicijativu časopisa "Aganjok" da svojim prilozima obilježi historijski datum naše revolucije, kada su u Jajcu, 1943. godine, na drugom zasjedanju Antifašističkog vijeća narodnog oslobodjenja, položeni temelji nove socijalističke Jugoslavije.

Bili su to herojski i slavni dani kada se, u borbi protiv zajedničkog neprijatelja, kovalo prijateljstvo izmedju naroda Sovjetskog Saveza i naroda Jugoslavije. Sjećanja na te dane treba stalno da osvježavamo, zalažući se da se na tim tradicijama vaspitavaju i mlade generacije.

U današnje vrijeme, veoma je značajno da se i na način kao što vi činite, doprinosi medjusobnom upoznavanju i jačanju prijateljstva u interesu obostrano korisne saradnje, mira i socijalizma.

Drago mi je što mi se pruža prilika da vašem kolektivu zaželim mnogo uspjeha i da preko vašeg časopisa uputim srdačne pozdrave njegovim mnogobrojnim čitaocima.

Весьма высоко оцениваю инициативу журнала «Огонек» отметить на своих страницах историческую дату нашей революции, когда в городе Яйце в 1943 году, на второй сессии Антифашистского веча народного освобождения, были заложены основы новой, социалистической Югославии.

Это были героические и славные дни, когда в борьбе против общего врага скреплялась дружба между народами Советского Союза и народами Югославии. К воспоминаниям об этих днях мы должны постоянно возвращаться, стремясь на таких традициях воспитывать и молодое поколение.

В настоящее время очень важно способствовать, так же как вы это делаете, взаимному ознакомлению и укреплению дружбы в интересах взаимовыгодного сотрудничества, мира и социализма.

Я рад, что мне предоставился случай пожелать вашему коллективу много успехов и через ваш журнал направить сердечные приветы его многочисленным читателям.

ИОСИП БРОЗ ТИТО,

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОЮЗА КОММУНИСТОВ ЮГОСЛАВИИ,
ПРЕЗИДЕНТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИИ**

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Председатель Союза коммунистов Югославии, Президент СФРЮ Иосип Броз Тито (Караджорджево. Сентябрь 1971 г.).

Фото В. Мусаэльяна.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

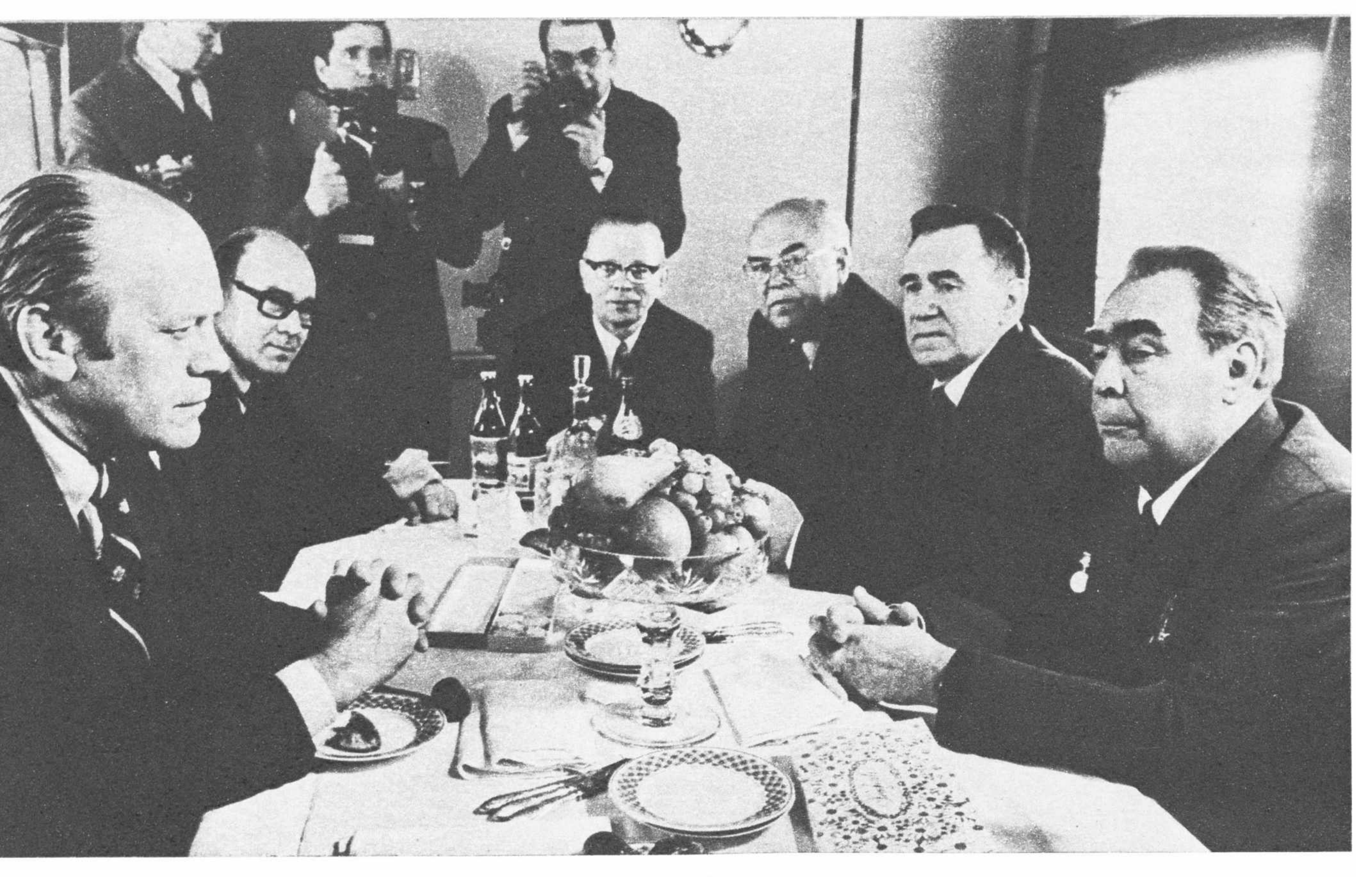
№ 49 (2474)

Основан 1 апреля 1923 года

30 НОЯБРЯ 1974.

«Фундамент дружбы и братства советского и югославского народов скреплен кровью, пролитой в борьбе против общего врага. Этот фундамент незыблем. И мы, все мы, товарищи, отвечаем перед историей, перед памятью тех, кто погиб, перед нашими детьми и внуками. Мы отвечаем за то, чтобы воздвигаемое на этом фундаменте здание советско-югославского сотрудничества было светлым и прочным, чтобы в нем царила обстановка искренности и взаимного доверия».

Л. И. БРЕЖНЕВ

Беседа Л. И. Брежнева и Джеральда Р. Форда в поезде во время двухчасовой поездки в резиденцию близ Владивостока.

СССР – США:

В соответствии с ранее объявленной договоренностью 23—24 ноября 1974 года в районе Владивостока состоялась рабочая встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Президента Соединенных Штатов Америки Джеральда Р. Форда. В переговорах приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и государственный секретарь США, помощник Президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер.

Они обсудили широкий круг вопросов, касающихся советско-американских отношений и современного международного положения.

Советский Союз и Соединенные Штаты Америки подтвердили свою решимость развивать и впредь свои отношения в направлении, которое определено принципиальными совместными решениями и заключенными между двумя государствами в последние годы основополагающими договорами и соглашениями.

Особое внимание в ходе переговоров было уделено стержневому направлению советско-американских отношений: мерам по устранению угрозы войны и прекращению гонки вооружений.

Стороны подтвердили, что достигнутые между СССР и США соглашения о предотвращении ядерной войны и ограничении стратегических вооружений являются хорошим началом процесса создания гарантий против возникновения ядерного конфликта и войны вообще. Они выразили свое глубокое убеждение в необходимости развивать этот процесс и высказали надежду, что другие государства также внесут в него свой вклад. Со своей стороны СССР и США будут продолжать прилагать энергичные усилия в целях решения этой исторической задачи.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент США Джеральд Р. Форд подробно обсудили вопрос о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений.

Отметив ценность предыдущих соглашений по этому вопросу, включая соглашение от 26 мая 1972 года, они подтвердили намерение заключить новое соглашение по ограничению стратегических наступательных вооружений на срок до конца 1985 года.

В результате обмена мнениями по существу содержания такого нового соглашения Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент США пришли к выводу, что имеются благоприятные перспективы завершить его выработку в 1975 году.

Согласованные принципы подхода сторон к вопросам ограничения стратегических наступательных вооружений СССР и США были зафиксированы в Совместном советско-американском заявлении.

Было рассмотрено положение дел в сфере торгово-экономических и научно-технических связей между СССР и США.

Подписание советско-американского коммюнике.

ДИАЛОГ МИРА ›

После подписания советско-американского коммюнике.

Встреча во Владивостокском аэропорту.

СССР – США: ДИАЛОГ МИРА

Стороны подчеркнули особое значение, придаваемое ими налаживанию на долгосрочной основе торгово-экономического сотрудничества, включая крупномасштабные проекты.

По окончании переговоров Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент США Джеральд Р. Форд подписали Совместное советско-американское коммюнике.

Фото А. Награльяна, специального корреспондента «Огонька».

Пресс-конференция советских и американских журналистов.

Во время беседы Л. И. Брежнева и Кеннета Д. Каунды. Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с официальным визитом в Москву 20 ноября прибыл Президент Республики Замбия доктор Кеннет Дэвид Каунда.

20 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле Президента Республики Замбия К. Д. Каунду, находившегося в Советском Союзе с официальным визитом.

К. Д. Каунда рассказал об усилиях народа Замбии, направленных на укрепление независимости своего государства и решение трудных проблем, доставшихся в наследство от колониализма. Л. И. Брежнев дал высокую оценку мужеству замбийского народа в его борьбе против остатков колониализма и расистских режимов в Африке.

Л. И. Брежнев и К. Д. Каунда выразили стремление к углублению и расширению советско-замбийских отношений, а также к укреплению сотрудничества между двумя странами на международной арене в интересах мира, разрядки и национальной свободы народов.

Беседа прошла в откровенной, дружественной обстановке.

21—22 ноября в Кремле состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым и Президентом Республики Замбия К. Д. Каундой, членом ЦК ЮНИП, председателем комитета ЦК ЮНИП по политическим, конституционным, правовым и международным вопросам Э. Мудендой.

Во время переговоров, проходивших в сердечной и дружественной обстановке, состоялся полезный обмен мнениями по вопросам развития советско-замбийских отношений в различных областях, а также по актуальным международным проблемам. При этом внимание было уделено положению в Южной Африке, вопросам борьбы африканских народов против остатков колониализма, за свою национальную независимость.

В ходе переговоров были всесторонне обсуждены вопросы дальнейшего развития и укрепления отношений дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Республикой Замбия.

СЪЕЗД РУМЫНСКИХ КОММУНИСТОВ

25 ноября в Бухаресте начал работу XI съезд Румынской коммунистической партии.

На съезд прибыли делегации коммунистических и рабочих партий, социалистических партий, прогрессивных и освободительных движений. Присутствует делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС А. П. Кириленко. В состав делегации входят секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, секретарь ЦК КП Украины В. Е. Маланчук, член ЦК КПСС, посол СССР в СРР В. И. Дрозденко.

Съезд открыл Генеральный секретарь РКП Николае Чаушеску.

Делегаты обсудят деятельность ЦК Румынской коммунистической партии в период между X и XI съездами, проект программы РКП и проект директив съезда по социально-экономическому развитию Румынии по пятилетнему плану на 1976—1980 годы и главным направлениям развития республики до 1990 года, проект норм социалистической этики. На съезде будут внесены изменения в устав РКП, избраны новые руководящие партийные органы и Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии.

С докладом Центрального Комитета РКП выступил Генеральный секретарь РКП Н. Чаушеску.

На вечернем заседании бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, делегаты и гости встретили вручение главой делегации КПСС членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС А. П. Кириленко приветствия Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XI съезду Румынской коммунистической партии.

На снимке: Бухарест. Во время встречи в аэропорту делегации Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Телефото Аджерпресс — ТАСС.

Улан-Батор, 25 ноября. Встреча в аэропорту.

НАШ ОБЩИЙ

Совместное торжественное заседание ЦК МНРП и Великого Народного хурала МНР, посвященное 50-летию III съезда МНРП и провозглашения Монгольской Народной Республики.

Сердечно встретила братская Монголия советскую партийно-правительственную делегацию во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым, которая по приглашению ЦК МНРП, Президиума Великого Народного хурала и Совета Министров МНР прибыла на торжества, связанные с 50-летием III съезда МНРП и провозглашения МНР.

В составе делегации член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев, член ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. Т. Новиков, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, член ЦК КПСС, первый секретарь Иркутского обкома КПСС Н. В. Банников.

В Улан-Батор прибыли также член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, другие официальные лица.

25 ноября состоялась встреча советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР товарищем Ю. Цеденбалом, партийными и государственными руководителями Монгольской Народной Республики.

В дружеской, сердечной беседе были затронуты вопросы, связанные с развитием братского сотрудничества между Советским Союзом и МНР, некоторые актуальные международные проблемы.

В приветствии, направленном от имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета, Совета Министров СССР и всего советского народа Центральному Комитету Монгольской народно-революционной партии, Президиуму Великого Народного хурала, правительству МНР и всем трудящимся республики, говорится: «Отмечая вместе с вами, дорогие друзья, наш общий интернациональный праздник, советские люди обращаются к рабочему классу, кооперированному аратству, народной интеллигенции Монголии, к ветеранам революционной борьбы и к молодежи со словами горячего привета и пожеланиями больших успехов в благородном труде по осуществлению решений XVI съезда МНРП, завершению строительства материально-технической базы социализма на монгольской земле. Мы желаем счастья и благополучия каждой монгольской семье, каждому труженику вашей замечательной страны».

ПРАЗДНИК

Телефото специальных корреспондентов ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

ЧУВСТВО ВЕСНЫ

Ч. ЧИМИД, монгольский писатель

Только что я вернулся из аэропорта Улан-Батора, где представители трудящихся нашей республики встречали советскую партийно-правительственную делегацию во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Леонидом Ильичом Брежневым.

Пока пишутся эти строки, по Интервидению уже идут заключительные кадры, посвященные прибытию выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения, неутомимого борца за мир, самого близкого друга монгольского народа — Л. И. Брежнева. Те, кто видит эту передачу, наверное, понимают, в каком положении нахожусь я, человек, который должен словами выразить все это.

Украшенный государственными флагами двух стран аэропорт. Товарищи Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал обходят строй почетного караула, гремит артиллерийский салют. Гостям преподносят цветы. Встреча проходит с глубочайшим радушием и большой сердечностью.

Мне хочется лишь сказать: в день прибытия советской партийно-правительственной делегации мы забыли, что у нас уже конец ноября. Весь город расцвел флагами, транспарантами. Люди в ярких национальных одеждах.

Чувство радости и весны я ощутил особенно сильно, когда товарищи Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал в сопровождении эскорта мотоциклистов выехали из аэропорта и направились к резиденции советской партийно-правительственной делегации. Десятки тысяч людей приветствовали их на всем протяжении пути, размахивая флажками и цветами, поднимая детей на руки, чтобы они лучше увидели и на всю жизнь запомнили эту встречу.

Можно считать, что встреча эта началась давно — с того дня, когда было опубликовано сообщение о предстоящем визите советской партийно-правительственной делегации по случаю пятидесятилетия III съезда МНРП и полувекового юбилея МНР. Люди встали на трудовую вахту в честь праздника. Золотой юбилей — великий праздник для нашего народа. Следуя учению великого Ленина, Монголия совершила орлиный взлет к новой жизни. Чудо, свершенное нашим народом, стало возможным благодаря братской всесторонней помощи победившего пролетариата Страны Советов.

Советские люди помогли нам закрепить завоевания народной революции 1921 года, защитить страну от посягательств империалистического агрессора. Так, в 1937—1939 годах, когда японские империалисты угрожали свободе и независимости МНР, Советский Союз прислал нам на помощь свою армию.

Советский Союз помог нам преобразовать нашу древнюю страну, создать национальную промышленность, развить сельское хозяйство, преодолеть многовековую экономическую отсталость.

Наш народ хорошо знает, что особенно велика заслуга товарища Л. И. Брежнева в развитии и укреплении братской дружбы и всестороннего сотрудничества нашего народа в послевоенные годы. Его подпись стоит под Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенным между правительствами МНР и СССР в 1966 году.

Трудящиеся нашей страны горды тем, что настоящий визит явится новой вехой на пути укрепления и развития монголо-советской дружбы.

Улан-Батор.
По телефону.

●

Окончание репортажа о пребывании советской партийно-правительственной делегации в МНР публикуется в следующем номере.

Давние и добрые связи характеризуют отношения народов Советского Союза и Социалистической Федеративной Республики Югославии. 30 лет назад героические войска Народно-освободительной армии Югославии совместно с войсками 3-го Украинского фронта освободили Белград. Это была общая большая победа, скреплявшая дружбу между нашими странами.

Народы Югославии осуществили под руководством коммунистической партии в ходе народно-освободительной борьбы и социалистической революции коренной перелом в судьбе своей родины. За исторически короткий срок отсталая в прошлом страна превратилась в развитое, индустриально-аграрное государство.

В этом номере «Огонька» мы расскажем о том, что увидели во время недавней поездки по районам Югославии — на новостройках, предприятиях, встречаясь с рабочими, крестьянами, деятелями науки и культуры.

Бригада «Огонька»: Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. СОФРОНОВ, Н. ЦВЕТКОВА.

ПОБРАТИМЫ

Интервью «Огонька»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СКУПЩИНЫ ГОРОДА БЕЛГРАДА ЖИВОРАД КОВАЧЕВИЧ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ «ОГОНЬКА»

ВОПРОС. За минувшее тридцатилетие Белград очень изменился. Какие из этих перемен вы считаете самыми важными?

ОТВЕТ. Из типичного балканского городка с низкими зданиями и узкими улочками, оставшимися еще от турецких времен, Белград превратился в большой город. Столица Югославии стала городом современных жилых районов, широких мостов и бульваров, современных транспортных магистралей, автотоннелей, нарядных больших магазинов. Только за последние 12 лет построено больше квартир, чем их имелось в 1955 году. Только за прошлый год белградцы израсходовали свыше двух миллиардов киловатт-часов электроэнергии (это в два раза больше всего производства электроэнергии в старой Югославии!).

Наш город, политико-административный центр страны, превратился также в крупный экономический центр. Это одна из важнейших характерных черт послевоенного развития Белграда. Он дает почти восьмую часть национального дохода Югославии, и на долю белградских внешнеторговых организаций приходится свыше 28 процентов внешнеторгового оборота страны.

Все эти успехи тесно связаны с именем первого гражданина Белграда — товарища Тито, который с первых же послевоенных дней с большим вниманием следил за ростом столицы и своими советами помогал развитию города. Благодаря поддержке и бесценному вкладу товарища Тито Белград превратился в современный город, который развивает завоевания нашей революции в самоуправленческом социалистическом обществе равноправных народов и народностей Югославии.

ВОПРОС. 28 лет потребовалось, чтобы на левом берегу Савы возник новый большой город — Новый Белград. Как решаются его проблемы?

ОТВЕТ. Бурное демографическое и экономическое развитие столицы сопровождается появлением проблем, которые относятся к жилищному строительству, регулированию движения, защите окружающей среды. Мы прилагаем большие усилия для решения этих проблем. Например, для облегчения условий движения транспорта в Белграде построено 190 километров новых улиц, реконструировано и модернизировано 126 километров автомагистралей, проложено 14 подземных пешеходных переходов, автострада через Белград с современными развязками и мостом «Газель» и многое другое.

Для защиты окружающей среды мы предпринимаем целый ряд мер: осуществляется постепенная газификация домов, передислоцируются промышленные предприятия за городскую черту, проводится озеленение.

В сфере торговли большие усилия направлены на то, чтобы удовлетворить требование миллионного города. За последние 10 лет число магазинов в городе увеличилось с 2679 до 4341, крупных магазинов самообслуживания — с 97 до 222.

ВОПРОС. Белград и Москва — города-побратимы. Расскажите, пожалуйста, об их связях.

ОТВЕТ. Москва — один из тех городов, с которыми Белград давно установил дружеские отношения, как с городом-побратимом. Это выразилось в дружественном обмене многими делегациями, а в июле нынешнего года наше сотрудничество приобрело новые формы и более высокий двусторонний уровень. Весьма успешно прошла «Неделя Москвы» в Белграде. Мы узнали о выдающихся достижениях советской столицы в области экономики, культуры, архитектуры, коммунального строительства, общественной и социальной жизни.

Мы договорились, что такое сотрудничество будет продолжено. Делегация Белграда на основе двустороннего соглашения должна нанести визит в Москву в то время, когда в вашей столице будет организована «Неделя Белграда».

У нас уже сейчас существуют тесные культурные связи. Развиваются и экономические связи.

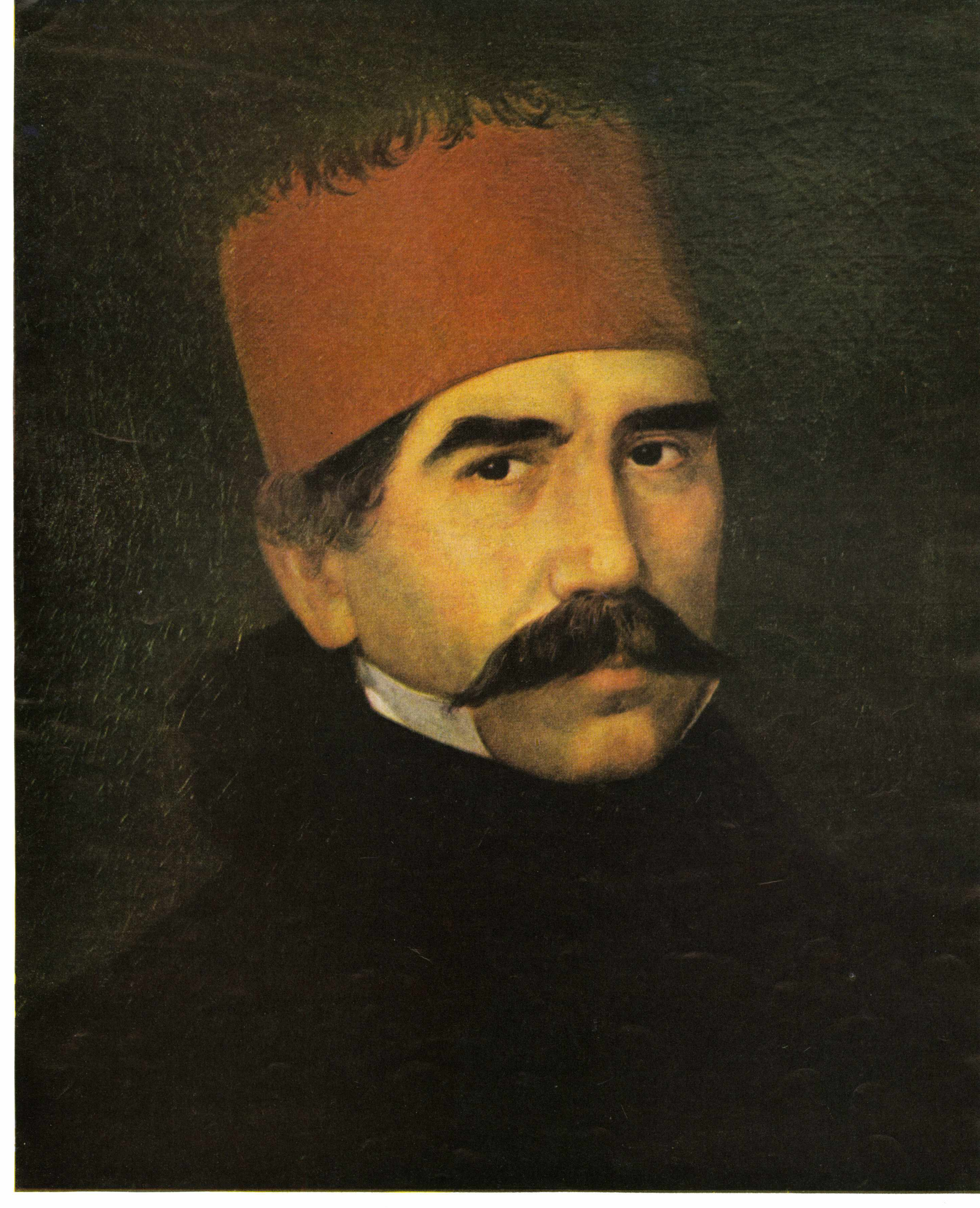
Белградские строители работают в Москве. Мы слышали, что результаты их труда неплохие. Думаю, что следующие наши встречи будут хорошим стимулом для того, чтобы эти связи поднять на еще большую высоту.

ВОПРОС. У жителей любого города есть свои специфические черты, что-то характерное только для них. Что бы вы могли сказать о белградском характере? И в заключение несколько слов о себе — ведь вы белградец?

ОТВЕТ. Белград — это город широкого, большого сердца, поистине демократический. Это город рабочего класса с традициями свободолюбия.

Белградцами становятся в тот же день, когда вступают на улицы нашей столицы. Приведу такой пример: руководители одного из семинаров студенческих организаций в Париже были озабочены появлением статистической ошибки: хотя они точно знали количество делегатов от всех университетов, в том числе и от Белградского, в общем количестве голосов после каждого голосования белградцы получали на один голос больше. В конце концов было выяснено, что белградцем называл себя студент из одной африканской страны, недавно получившей свободу. Он два года учился в нашей столице и отлично говорил по-сербски. Когда его спросили, почему он себя считает представителем Белградского университета, юноша заявил, что, пожив в Белграде, он чувствует себя гражданином этого города.

Что сказать о себе? В минувшую войну мне не довелось сражаться. В то время я был еще ребенком. Моего брата — молодого коммуниста гитлеровцы убили в 1941 году, наш дом был партизанской явкой. Отца они арестовали, его страшно мучили в гестапо, потом отправили в лагерь смерти на Банице, а позже в Маутхаузен. В то время маме, сестре и мне пришлось скрываться, жить нелегально. Освобождение от фашизма я встретил, как и все дети Белграда, с волнением и великой радостью. Как член Союза коммунистической молодежи Югославии я участвовал во всех послевоенных молодежных акциях по строительству и обновлению страны и своего города. Мой жизненный путь не отличается во многом от того пути, которым шло большинство людей моего поколения.

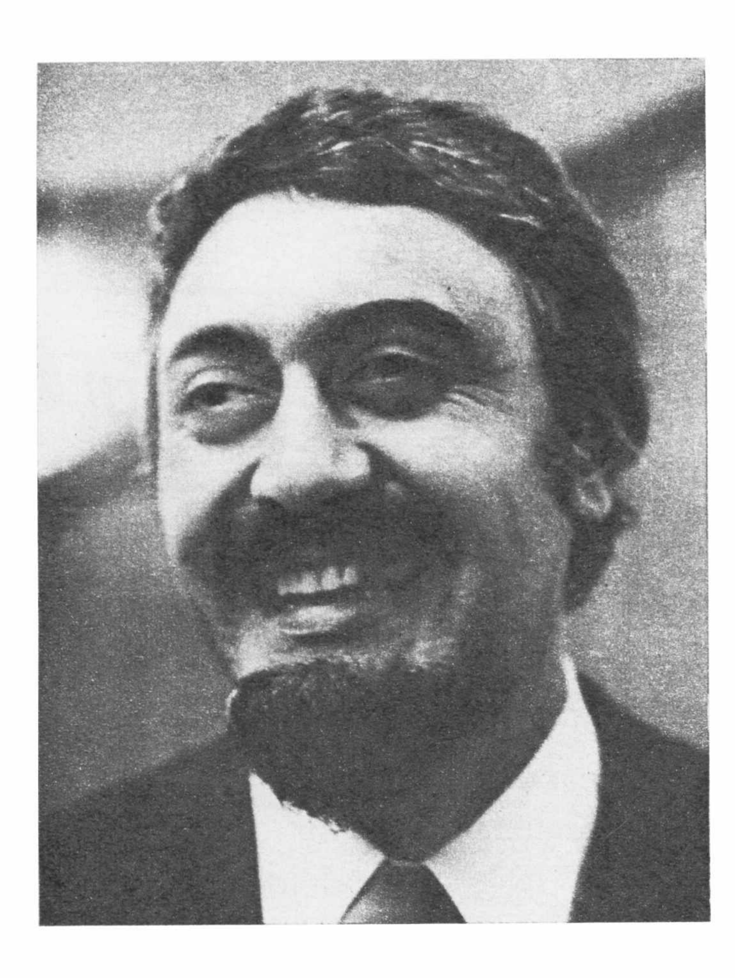

Димитрий Аврамович (1815—1855). ПОРТРЕТ ВУКА КАРАДЖИЧА.

Урош Предич (1857—1953). ГЕРЦЕГОВИНСКИЕ БЕГЛЕЦЫ.

Сава Шуманович. ОСЕННЯЯ ДОРОГА.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Доктор Владимир КОНДИЧ, директор Народного музея в Белграде

В этом году наш музей отмечает две знаменательные даты: 130-летие со дня его основания и 30-летие освобождения Белграда.

Дату основания музея можно отнести к 10 мая 1844 года, когда Йован Стерия Попович, литератор и начальник попечительства просвещения, разослал всем окружным просветительским учреждениям распоряжение, в котором призывал к сбору и продаже старинных вещей Народному музею.

К началу первой мировой войны это было уже большое, необычайно богатое собрание. Между тем именно тогда произошла первая катастрофа. Во время осады Белграда австрийские снаряды попали в здание музея и уничтожили или значительно повредили экспонаты. Во время сбора и упаковки, а потом эвакуации музейного материала многое исчезло. Когда же после окончания войны была составлена окончательная опись экспонатов, оказалось, что музей опустошен. Все пришлось начинать сначала.

За время между двумя мировыми войнами Народный музей проводит археологические исследования в таких местностях, как Винча, Старчево, Плочник (доисторический период), Стоби (античность), и многих других.

...Сразу же после освобождения города от немецких захватчиков в 1944 году был открыт музей с двумя современными разделами.

Все, что хранится или поступает к нам, составляет культурное наследие в первую очередь народов и народностей, которые населяют нынешнюю территорию Сербии и всей современной Югославии, но в той же мере и культурно-историческое наследие всего нашего континента. Мы между тем вправе подчеркнуть, что по различным критериям — эстетическим, культурно-историческим и другим — определенная часть нашего музейного материала имеет исключительное значение и уже получила всемирное признание.

Руководствуясь хронологическим принципом, нужно в первую очередь отметить находки на Лепенском Вире и весь археологический комплекс этой местности. В эти дни должен открыться музей Лепенского Вира на Дунае, который перейдет на попечение Народного музея.

Доисторические культуры, когда-то существовавшие на нашей земле,— основа для изучения и понимания доисторической Европы. Это прежде всего неолит, эпоха первых земледельческих общин на нашем континенте, которая хорошо представлена в Народном музее, особенно экспонатами из давно уже известного в мире местечка Винчи. В Народном музее хранится античная копия Фидиевой Афины Парфенонской. Считается, что это одна из лучших копий величественных скульптурных произведений Золотого периода Афин. Эллинский мир и его проникновение на нашу землю представлены находками бронзовой скульптуры в Стобии. Период римского господства в этих краях представлен в Народном музее большим числом находок. Отметим лишь некоторые из них, которые также приобрели мировую известность. Это портрет так называемого отца Траяна, может быть, одно из лучших скульптурных произведений II века. Портрет императора Константина, безусловно, шедевр поздней античности, и камея из Кусадки с изображением одного из императоров IV века.

...Начиная с XII века, с основания сербского средневекового государства Неманичей, можно проследить линию развития сербского искусства. Опираясь на влияние и традиции не только Византии, но и Запада, выбирая лучшие решения и приспосабливая их к нашим понятиям, сербские средневековые художники создали свой стиль в архитектуре, живописи и прикладном искусстве. У нас хранится большое число шедевров этого периода, вдохновенных созданий национального творчества, которые не только не уступают лучшим мировым образцам, но в некоторых случаях и превосходят их. Достаточно вспомнить Мирославлево Евангелие, старейшую сербскую книгу. Созданное по заказу князя Мирослава, брата Стевана Неманьи, между 1180 и 1190 годами, Евангелие написано на пергаменте и украшено 296 миниатюрами необычайной красоты. В Народном музее, кроме прочего, экспонируются и части фресок некоторых сербских монастырей, многочисленные иконы, драгоценные украшения, золотая и серебряная посуда.

О том, как велико национальное богатство, можно судить по собранию сербской живописи XIX века. Этот исключительно интересный динамичный период заключает в себе, собственно, три большие эпохи в живописи: классицизм, романтизм и реализм — со всей спецификой, которая определилась ростом и развитием сербского общества. Это бурное время было словно прилив после многовекового господства мрачного рабства. Это было время взлетов, обновления и просветительства. Создается новое государство, его политические и культурные учреждения. Происходит реформа языка, и закладывается фундамент новой литературы. Основывается Национальная библиотека, Высшая школа, Научное общество — и живопись отражает все эти общественные и культурные преобразования.

Трудно в нескольких словах охарактеризовать нашу живопись. Говоря о сербском классицизме, можно отметить стремление к строгой и педантичной моделировке, академическому рисунку, лаконичному изображению предметов, а также тяготение к тщательной психологической обрисовке характера. Самые выдающиеся представители этого направления — художники Константин Данил, Арсен Теодорович, Павел Джуркович, Никола Алексич, Йован Попович, Урош Кнежевич, Катарина Иванович, Димитрий Аврамович и другие.

Для романтизма наших живописцев характерен литературный элемент, который преобладает над формой произведения. Как ведущие темы на передний план в это время выдвигаются прошлое народа и народная поэзия. В отличие от предшествующего периода представители романтизма вносят в свои творения больше светлых и теплых красок. Народный музей хранит лучшие произведения этого направления: работы Новака Радонича, Джуры Якшича, Стевана Тодоровича, Анастаса Йовановича и других.

Реализм в сербской живописи отмечен отчетливо выраженным разнообразием в поисках тематики. Это — обращение и к композициям на исторические и моральные сюжеты, к жанру портрета и фольклорным темам, к интерьеру. Это искусство, по словам одного из лучших его знатоков, М. Коларича, «было и останется популярным из-за своего высокого мастерства, своего вкуса к простому и понятному, из-за своего умения передать фактуру предмета».

Коллекции Народного музея экспонируют самые характерные произведения художников, чья широкая популярность не превзойдена до сегодняшнего дня: Джордже Крстича, Уроша Предича, Пайи Йовановича.

В XX век сербская живопись вступила без значительных исторических запозданий. Народный музей позволяет проследить за развитием современного изобразительного искусства вплоть до начала второй мировой войны на примере изумительных произведений Надежды и Зоры Петрович, Савы Шумановича, Петра Лубарды, Милы Милуновича, Педже Милосавлевича и ряда других, прославивших своим творчеством эту эпоху.

Кроме шедевров сербской и югославской живописи, Народный музей обладает еще и другой коллекцией, которой он вправе гордиться. Это собрание зарубежной живописи, которое содержит свыше четырех тысяч произведений. Перечислю важнейшие: «Рождество Христово» и «Богородица на престоле» Паоло Венециано, «Богородица с Христом» Спинелло Аретино. Иероним Босх, художник блистательного колорита, и его мастерская представлены у нас картиной «Искушения св. Антония». Ренессанс — произведением «Поклонение Христу» Лоренцо ди Креди. Венецианская школа — двумя работами Витторе Карпаччо. В разделе живописи XIX века имеются и два прекрасных портрета Репина — композитора Глинки и художника Кузнецова.

Гордостью музея являются многочисленные произведения мастеров импрессионизма.

Свою основную обязанность мы видим в том, чтобы сохранить памятники прошлого нашей земли и наших народов. Народный музей располагает сейчас современно оборудованным Центром по сохранению произведений искусства, который осуществляет постоянное наблюдение за состоянием экспонатов. Вторая наша задача — открыть широкий доступ в музей, сделать так, чтобы те ценности, которые у нас хранятся, стали всеобщим достоянием. Многого нам уже удалось добиться. Народный музей — наиболее посещаемый в нашей стране. Одновременно мы решаем и педагогические задачи, реализуя практическую часть программы для начальных, средних школ и институтов. Третье, что мы постоянно имеем в виду,— это показ нашего культурного наследия за рубежом, а также культурного достояния других стран у нас. Наши экспозиции пользовались успехом во многих европейских центрах.

Народный музей поддерживает очень тесные и дружеские связи с Эрмитажем и Третьяковской галереей. Мне доставляет радость подчеркнуть, что частые, очень внимательные и исключительно дорогие для нас гости — из Советского Союза, которые приезжают в Югославию как туристы, не пропускают случая побывать в Народном музее. И действительно, это лучшая возможность непосредственно познакомиться с ценностями нашего культурного наследия!

НИКОЛАЙ СТОГОВ:

ТОРГОВЛЯ РАЗВИВАЕТСЯ УСПЕШНО

Когда мы вошли к советскому торгпреду в Югославии Николаю Васильевичу Стогову, он разговаривал по телефону. На проводе была Москва, председатель Всесоюзного объединения «Экспортхлеб»— Виктор Иванович Першин. Стогов интересовался, как идет отгрузка 1 300 тонн семенной пшеницы. Эта пшеница нужна была Югославии для осенне-посевной кампании.

— Очень прошу содействовать быстрому продвижению груза,— заканчивая разговор, сказал Стогов.

Нас привело к советскому торгпреду в Белграде желание узнать, как развиваются торгово-экономические связи между нашими странами.

— Советский Союз продает Югославии многие сырьевые товары: нефть, уголь, кокс, бензин, масла, концентрат железной руды, хромовую и марганцевую руды, прокат черных металлов, жесть, алюминий,— рассказывал Н. В. Стогов,— калийные удобрения, пиломатериалы, хлопок... Поставляем машины и оборудование: металлорежущие станки, кузнечно-прессовое и горноспасательное оборудование, легковые автомобили и тяжелые грузовики для карьеров, тракторы, теплоходы на подводных крыльях и другие товары. Большое значение придается развитию производственной кооперации. В области автомобилестроения она уже налажена.

В нашем импорте из Югославии значительную долю составляет продукция судостроения. Стороны заинтересованы продолжать это сотрудничество и в очередном пятилетии. В 1976—1980 годах предусматривается поставка в СССР в основном новых типов судов, в том числе судов для исследования и освоения ресурсов Мирового океана. Югославские организации поставляют в СССР средства связи, оборудование для пищевой промышленности, например, линии для производства томатной пасты. Мы покупаем также лаки и краски для автомобилей «Москвич» и «Запорожец», ядохимикаты для сельского хозяйства и другие сырьевые товары.

Важную статью экспорта из Югославии в Советский Союз составляют товары широкого потребления: обувь, трикотаж, швейные изделия, мебель и медикаменты. Развивается сотрудничество в области строительства: югославские строители в Ялте и Сочи возводят гостиницы. Одним словом, мы видим, как полезны наши контакты. «Безостая» кубанская пшеница на полях Югославии дает блистательные результаты. Мы, в свою очередь, получаем семена кукурузы, черенки винограда. Выгода, как видите, взаимная.

И несмотря на то, что торговля развивается успешно, мы можем сказать, что возможности ее еще не исчерпаны. Немалый вклад в развитие связей между нашими странами вносит межправительственный Советско-Югославский комитет по экономическому сотрудничеству.

Десанка **МАКСИМОВИЧ**

Отчизна

Не забывай, где ты родился,
Откуда путь ты начал свой,
Всю жизнь потом чтобы гордился
Своей любимою землей.

Тебе знаком здесь кустик каждый,
Река, околица села.
И тропка,
что тебя однажды
К большой дороге привела.

И это здесь капели всхлипы
Весной твои будили сны,
И мед в окно струили липы,
И аромат плыл от сосны.

И ты, малыш,
беспечный, прыткий,
Мог различить наверняка
Шум ели у родной калитки
От робкой песни родника.

Но вот умчат тебя дороги
В чужие, в новые края.
Она лишь поглядит с тревогой,
По-матерински скорбь тая.

Но там, найдя свое призванье,
Свою осуществив мечту,
Услышишь вдруг ее дыханье,
Ее оценишь доброту.

И, словно о тебе все зная,
Она тебя поманит в срок:
Приснится ягода лесная,
Фиалки солнечный цветок.

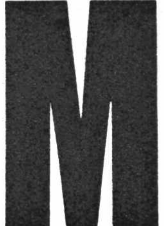
И, мир познав необозримый,
С поклоном к той земле придешь.
И ласково, как сын любимый,
Ее Отчизной назовешь.

Перевел с сербскохорватского
Евгений **АНТОШКИН.**

Дождь в Загребе

У ТЕЛ

ногим из нас приходилось с помощью автоматической телефонной станции, прямым набором соединяться с самыми разными городами нашей страны. А с недавнего времени мы получили возможность также запросто вызывать Берлин, Прагу, Софию, Варшаву. Но известно ли вам, где находятся те, кто помогает нам совершить это? Недавно мы узнали их точный адрес: Югославия, Загреб, Московская улица, дом 45.

Оказавшись всего на один день в главном городе Хорватии, мы, конечно, не удержались от соблазна пойти по этому адресу. С раннего утра шел проливной дождь. Укрывшись под разноцветными зонтиками, Загреб отправился по делам. Рабочий день на предприятии, как мы выяснили, начинался, как и у всех здесь, в восемь часов. Вот она, Московская улица, дом 45. В про-

ЕФОНА-ЗАГРЕБ

сторном вестибюле фотовыставка: юноши в синих халатах сосредоточенно изучают приборы. Девушка в кокетливой косыночке, словно вышивальщица над пяльцами, склонилась над рисунком из разноцветного провода: те, кого мы хотели увидеть, выглядели на фотографии самыми обыкновенными молодыми людьми, небезразличными к современным модам. Интересно, сколько же их здесь всего? И потом: неужели все они такие молодые?

— Сейчас сами увидите,— улыбаясь, говорит встретившая нас по просьбе дирекции Светлана Хайдлер.

— А чем вы здесь занимаетесь?

— Перевожу на русский язык всю техническую документацию, которую мы направляем в Советский Союз вместе с оборудованием.

Поднимаемся на второй этаж.

— Добро пожаловать на предприятие имени Николы Теслы! Гости из Советского Союза у нас бывают часто. Здесь были наши почетные гости — товарищи Косыгин, Байбаков и Новиков...

Так мы познакомились с Душко Каштеланом, директором предприятия по сбыту продукции за рубеж. Он оказался тем самым человеком, который знал, где, в каких городах нашей страны стоят междугородные телефонные и телеграфные автоматические станции, созданные руками югославских инженеров и рабочих. Биография Каштелана, можно сказать, обычная. В семнадцать — партизанил. Потом служил в армии, учился, получил звание «дипломированный инженер». На будущий год исполнится двадцать пять лет, как он здесь работает. А завод всего существует на пять лет больше.

— Значит, вы помните самое начало?

— Начало... Была в центре города мастерская, где ремонтировалась аппаратура для почты. Было решено создать на ее базе предприятие по изготовлению аппаратуры для телефонной связи. Поручили это дело бывшему партизану, тридцатилетнему инженеру Петеру Ковачу. Это наш генеральный директор. Жаль, что сейчас он в отъезде, иначе вы бы услышали от него много интересного о том времени.

Завод носит имя знаменитого Николы Теслы. Югославский физик и теоретик в области электротехники. Учился в Вене, потом работал в Америке во времена Эдисона. Конечно, ему и присниться такое не могло, что на его родине, прежде такой отсталой, будет создано это первоклассное предприятие, которое ныне поставляет телеграфные и телефонные автоматические станции в Венгрию, Польшу, ГДР, Сирию, Индию, Ирак. Но больше всего — сорок процентов экспорта — идет в Советский Союз.

— Сколько же лет продолжается это сотрудничество?

— Я присутствовал при подписании нашего первого контракта с «Машприборинторгом» в 1958 году. Первые телефонные автоматические станции на десять тысяч номеров были отправлены в Москву и Ленинград. Наши АТС установлены в Смольном, они стоят также в Госплане, в Доме связи на проспекте Калинина. Не так давно мы перешли на создание больших автоматических станций для междугородной телефонной связи...

Мы делаем также телеграфные автоматические станции. Такие станции есть в Москве, Ленинграде, Киеве, Таллине, Минске, Кишиневе...

— Читателям нашего журнала было бы интересно узнать, где еще в ближайшее время появятся новые станции.

— Могу сказать, что в монтаже находятся станции для Донецка и Иркутска.

Оказывается, на заводе имени Николы Теслы хорошо знают географию нашей страны!

— И не только по карте! У нас очень тесные рабочие контакты с Министерством связи и некоторыми советскими предприятиями. Сейчас в командировке в разных городах Советского Союза находятся сорок наших специалистов. Да, да, сорок! А будет еще больше, и, учитывая это, мы даже создали специальные курсы изучения русского языка. Ведь сейчас в год мы отгружаем в Советский Союз готовой продукции на 15 миллионов долларов, а в следующей пятилетке готовы поставлять на 20—25 миллионов в год.

— Значит, вы довольны тем, как развивается это сотрудничество?

— Еще бы! И дело тут не только в цифрах. Из Советского Союза мы получаем ценное сырье, без которого нам никак не обойтись. Заводской НИИ отлично сотрудничает с советскими учеными. Ведь размах научно-исследовательской работы в вашей стране поистине грандиозный, а движение вперед возможно только в дружбе с наукой. Электроника вторгается в жизнь все активнее, и через несколько лет, ну, самое большее — пять, в нашей отрасли промышленности наступят громадные перемены. Мы готовимся к этим переменам вместе с друзьями из Советского Союза.

— Можем мы здесь, из этого кабинета, поговорить с нашей редакцией?

— Конечно!

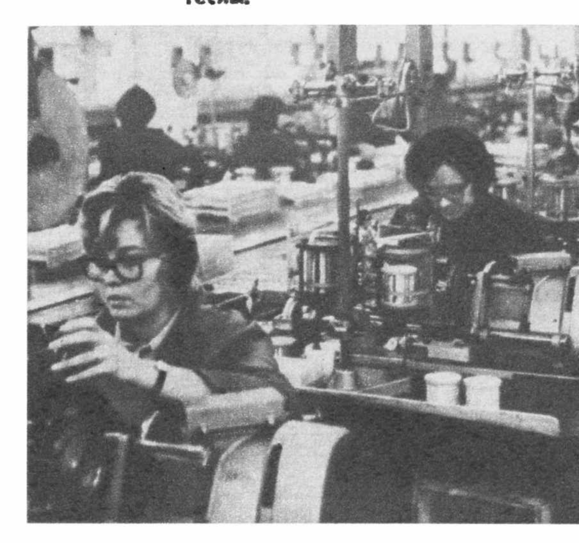
Вскоре раздался требовательный звонок.

— У телефона — Загреб, говорите с Москвой!

Душко Каштелан.

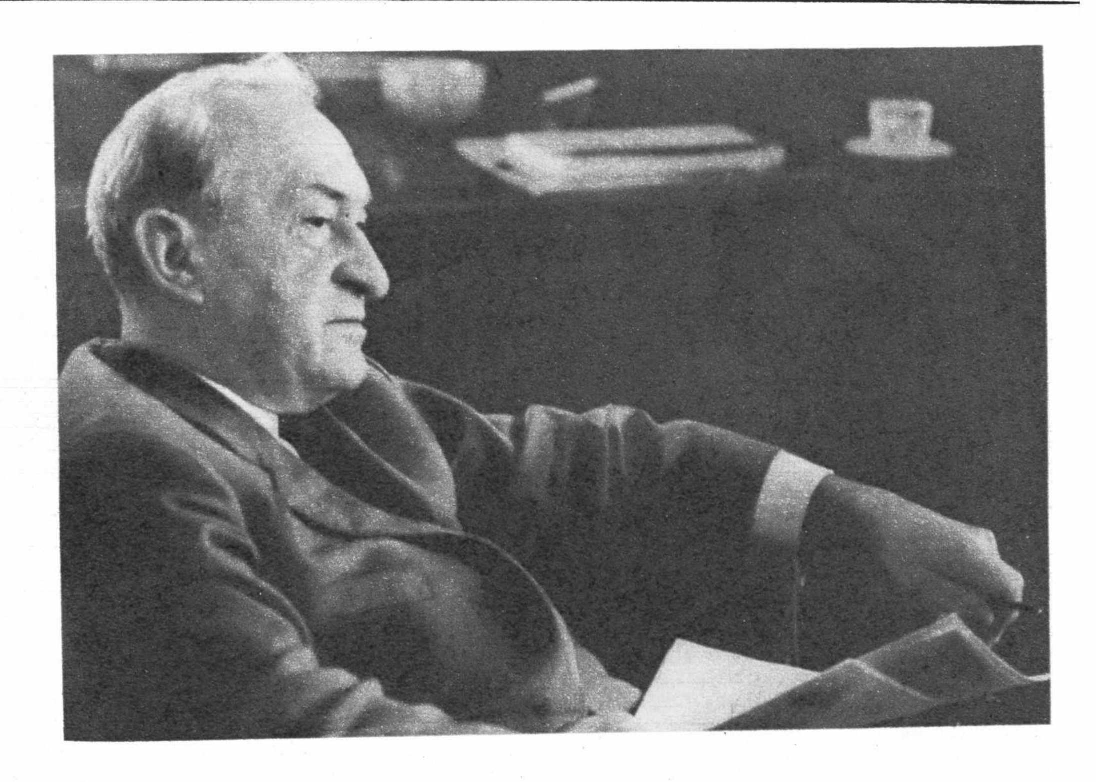

В цехе завода имени Николы Теслы.

ПАВЛЕ САВИЧ:

СОТРУДНИЧЕСТВО КРЕПНЕТ

Уже совсем перед отъездом из Белграда нас принял президент Сербской Академии наук и искусств, иностранный член Академии наук СССР академик Павле Савич.

Вместе с советником советского посольства в Югославии Валентином Тереховым мы приехали в академию. Нас встретил уже немолодой, вместе с тем удивительно живой и подвижный человек. Это и был Павле Савич. Мы вошли в его кабинет.

— Присаживайтесь, — сказал Павле Савич, показывая на глубокие мягкие кресла.

На столике лежал советский сборник «Вопросы истории естествознания и техники». Мы заинтересовались, почему именно этот номер журнала лежит в кабинете академика.

— В нем напечатана моя статья о происхождении вращения частиц,— ответил академик.— В основу этой статьи положен доклад, который я сделал в Академии наук пятнадцать лет назад. В следующем номере журнала будет еще одна статья — о наших совместных работах с Ирэн Кюри...

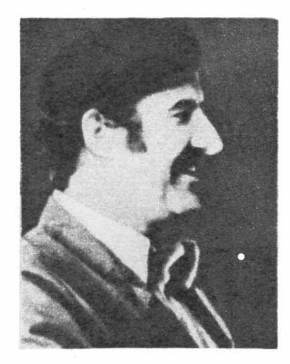
— У нас к вам большая просьба — ответить, если, конечно, возможно, на некоторые наши вопросы.

— Конечно, возможно.

— Расскажите, пожалуйста, читателям «Огонька» о развитии и достижениях югославской науки.

— Надо иметь в виду, что наша страна сравнительно небольшая, и, конечно, сопоставлять развитие науки с наукой такой большой страны, как Советский Союз, трудно. И все же после окончания войны сделано многое.

Надо иметь в виду, что в Сербии всего 8 миллионов жителей. Мы получили в наследие от старого неразвитые районы, большую неграмотность. А сейчас у нас 104 института. Были у нас и раньше выдающиеся ученые, вносившие большой вклад в мировую науку,

СТАНИМИР ПЕТРОВИЧ:

ОБХОДИМСЯ БЕЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Впервые об этом человеке мы услышали в скупщине, а по-нашему — в горсовете Смедерева. Председатель скупщины Милутин Цветкович увлеченно рассказывал нам о громадных переменах, которые произошли в этом древнем городе на Дунае. Здесь сооружается один из крупнейших в стране металлургических комбинатов, который в будущем году уже даст восемьсот тонн стали, а через три года — вдвое больше.

— И знаете, кто руководит этой грандиозной стройкой? Внук крестьянина и сын шахтера! Мы называем его «наш Эро» — наша надежда. А вообще-то зовут его Станимир Петрович,— сказал Цветкович.— Сколько ему лет? Да чуть больше сорока. Парень он крепкий, как раз такие и нужны, когда имеешь дело со сталью. В комбинат он свой влюблен по уши, там и найдете его в любое время...

Мы отправились на комбинат. Нас проводили в завком и попросили подождать, пока разыщут на стройке «друже директора». Прошло минут двадцать, не меньше, и в комнату стремительно вошел высокий мужчина в рабочей спецовке, зеленой спортивной рубашке, берете набекрень.

— Думаю, мы обойдемся без переводчиков,— сказал директор по-русски.— Я прожил в Советском Союзе больше года. Идемте, я покажу вам наш комбинат!

И он повел нас. Сначала туда, где растут новые цеха. Потом к мартенам. Он рассказывал о своих товарищах, о том, как родился комбинат, и о жизни своей, которую он просто не представлял без этих людей и без этого огнедышащего гиганта.

Я пришел на завод в сорок шестом году. Время было голодное, трудное, вот и пришлось мне, четырнадцатилетнему парнишке, уехать из родных мест в Сербию в поисках работы. На заводе меня спросили, кем хочу быть: слесарем или механиком. Я сказал — механиком, потому что отец мой, шахтер, всегда уважительно говорил о тех, кто смыслит в технике. Через два дня я вышел на работу в цех учеником. А дальше жизнь моя пошла вместе с заводом. Завод рос, ему нужны были грамотные специалисты. В сорок девятом пустили в работу вторую мартеновскую печь, а я получил направление в техникум. Через четыре года подняли электропечь, а мне завод дал стипендию и направил на учебу в Белград, в машиностроительный институт. Вернулся в самое горячее время — началась реконструкция мартеновской печи и кузнечного цеха. Работал сначала инженером-механиком, потом начальником ремонтного цеха. В 1962 году было решено строить новый металлургический комбинат производительностью в миллион тонн стали! Это был прыжок в будущее. Да еще какой прыжок! И совершить его нам помогли советские люди. Специалисты ленинградской проектной организации «Гипромез» спроектировали комбинат. Мы выбрали отличное место для него: рядом Дунай, по которому доставляют нам сырье, а в 80 километрах наш главный потребитель, отечественный автозавод «Црвена застава».

Когда первая очередь строительства подошла к концу, стало поступать из разных концов Советского Союза оборудование. Вместе с ним появились советские специалисты — инженеры, техники, рабочие. Среди первых был тульский инженер Анатолий Барский, с которым я подружился. Как раз тогда, в 1963 году, я был назначен техническим директором строящегося нового комбината. И чтобы лучше разобраться в том, что нам предстояло сделать, я поехал сначала на «Запсиб» в Новокузнецк, потом на «Запорожсталь». Много полезного я

но после них не оставалось научной школы. Для того, чтобы не было этого теперь, мы создали на базе нашей академии соответствующие институты, а в Хорватии и в Словении — атомные центры. Должен сказать, что это было трудно и даже непосильно в тяжелые послевоенные годы. И все же это сделано. Во многом нам помогли советские друзья. Например, ядерный реактор в Институте имени Бориса Кидрича в Винче был построен по договору с Советским Союзом и с технической помощью вашей страны, которая поставила нам все оборудование.

Мои личные контакты с Академией наук СССР — я в 1944—1946 годах находился там на практике — оказались очень полезными. Я лично знал академика Абрама Алиханова, знаю академика Петра Капицу. Наши ученые в содружестве с советскими учеными занимались ядерной спектрографией, испытанием материалов для атомных реакторов, проводили работы и в других областях техники. Я бы мог назвать имена ученых в Институте имени Бориса Кидрича, труды Института имени Михайло Пупина, в котором по соглашению с Академией наук Советского Союза разрабатывается вычислительная техника.

Наш Институт кукурузы известен своими работами по селекции, и сейчас югославская кукуруза пользуется большим спросом.

Хочу назвать имя академика Белича, который вывел новую породу свиней.

Известны работы Петра Мартиновича по эндокринологии, Любомира Михайловича по нейробиологии.

Не могу не вспомнить о совместных работах по спеканию материалов группы Ристича, сотрудничающей с группой киевлян под руководством члена-корреспондента Украинской Академии наук Григория Самсонова.

Успешно работают наши археологи, создается труд по истории Белграда, идет изучение материалов по истории Сербии.

Я бы не хотел, чтобы это все создало впечатление о больших наших достижениях. Мы настроены критически, но вместе с тем факты есть факты. Может быть, сделано не так много, как хотелось бы, но результаты развития югославской науки очевидны.

— Еще один вопрос: как сотрудничают советские и югославские ученые?

— Наше сотрудничество развивается согласно протоколу, подписанному в Москве, и в последнее время, я бы сказал, мы просто хорошо работаем вместе.

— Что вы думаете о развитии науки в современном человеческом обществе?

Савич улыбнулся.

— Это слишком большой и сложный вопрос! Современная наука охватывает все области человеческой деятельности. Мы материалисты и считаем, что материальные условия являются основой современной цивилизации. Для того, чтобы они соответствовали развитию передового общества, необходима такая общественная система, которая бы стимулировала развитие общественных отношений в интересах всего человечества. Человечество должно строить, созидать. И общее современное развитие идет в основном по этой линии. К сожалению, не все силы в мире заняты созидательной работой. В наших рядах стоят ученые, которые борются за коммунизм. Но в мире существуют силы, которые противостоят коммунизму. Это должен учитывать каждый наш ученый. Мы обязаны находить все условия для развития и увеличения производительности труда. Это, казалось бы, азбучная истина. Вместе с этим мы не можем полагаться только на совесть людей, которые заняты общественно полезным трудом. У капитализма есть законы рынка, законы конкуренции. В социалистическом обществе производство товаров идет по другой линии. Все это и есть проблемы общественной науки, экономической науки, которые нам необходимо решать.

— Вы сказали, что вас связывает с Академией наук Советского Союза и личная дружба с советскими учеными. Если не трудно, не могли бы вы рассказать и об этом?

— В сорок четвертом году весной в составе югославской военной миссии я оказался в Москве. Тогда я был самый младший по воинскому званию — майор. По должности я был шифровальщиком штаба, а до войны — молодым ученым. И вот в то время товарищ Тито попросил советских друзей, чтобы меня направили на учебу в один из институтов.

Таким институтом оказался Институт физических проблем, возглавляемый академиком Петром Капицей. Меня прикрепили к ведущему научному сотруднику института Александру Шальникову, которого в то время я уже знал по научным трудам. Теперь он заведует лабораторией в этом же институте, а тогда был и известным и очень молодым по возрасту ученым.

Работая вместе, мы сделали одно важное наблюдение о возможности образования тумана в жидком гелии. Два года назад это оказалось полезным для очистки редких инертных газов.

Но в 44-м году начинались бои за Белград. У меня там были родители, братья, мой ребенок, и не хотелось оставаться в стороне от великого события — освобождения Белграда. Я еще раньше просил у товарища Тито разрешения принять участие в этой битве. Маршал не забыл о моей просьбе — 17 октября пришла телеграмма на имя генерала Терзича, и первым советским самолетом я был отправлен в район прорыва, где действовал 3-й Украинский фронт. Это было рискованно: летели 5 советских военных и я, югославский майор. Нас могли сбить — мы шли без опознавательных знаков, но благополучно приземлились в районе Виржице. В это время начинались самые сильные бои за Белград. Мы прибыли в Панчево, у берега стоял катер, который должен был тащить баржу с пшеницей в помощь голодающему населению Белграда. Я просил, чтобы меня взяли на баржу. Мне сказали, что это опасно, но я хотел обязательно попасть в Белград, где шло еще сражение. Когда катер с баржей уходил, я прыгнул в катер и так добрался до Белграда. Немцы в это время находились в огненном кольце — Советская Армия наступала с севера из-за Дуная, наши — с юга. День Победы я встретил в Белграде.

— Говорят, в начале войны вам лично вручил винтовку товарищ Тито. Это была винтовка номер пять?

— Точно — винтовка номер пять. Кстати, в нашей семье не я один сражался: моя жена во время войны была награждена орденом Отечественной войны, и генерал Корнеев лично вручал ей его.

увидел и узнал. К тому же здесь, на комбинате, все эти годы постоянно работали советские специалисты, которые относились к делу так, словно это был их родной завод. Как это непохоже на коммерческое отношение специалистов из Австрии, Западной Германии, Бельгии, приезжавших налаживать свое оборудование!

Сейчас у нас работают 18 советских товарищей во главе с инженером из Запорожья М. Д. Грицуном. Но в конце года для пуска конверторного цеха приедут еще 25 технологов.

Вы сами видите: масштаб строительства грандиозный. 26 тысяч тонн металлоконструкций уже поступило из Советского Союза для строительства второй очереди комбината. Люди работают с энтузиазмом: ведь то, что происходит на наших глазах, кажется фантастикой. Металлургический комбинат «Смедерево» в 1985 году, когда предусматривается завершение строительства, будет давать три миллиона тонн стали, почти столько же железа и четыре миллиона тонн жести холодного и горячего проката!

Главная проблема сейчас — технически грамотные кадры. У нас работает больше шести с половиной тысяч человек, в основном в возрасте 25—27 лет, сыновья тех, кто трудился когда-то на старом заводе. Чтобы дать им необходимые знания, при комбинате создан учебный центр, в городе открыт филиал Белградского политехнического института.

Идет битва за металл. Эта битва за наше социалистическое будущее, и в ней участвуем мы — поколение счастливых!

Владимир ЧЕРКЕЗ

* * *

Родина — это теплое солнце,
что после ливня сияет,
пахарь, который ниву свою на заре
засевает;
она — звезда, что блестит на темном
куполе неба,
мать, что бойцам отдает последний кусочек
хлеба;
она — чистый родник, звонкий смех
водопада,
дуб ветвистый у пашни, цветение сада;
она — это нивы, луга и пение птиц над
землею,
белый полог над нашей природой зимою;
летом над нею колышутся травы высокие,
которые пьют из нее животворные соки;
она — это дом наш, наш сад, наш завод,
в наших сердцах она вечно живет.

Гого ЙОВАНОВСКИЙ

Затишье на поле боя

Наступила ночь. Стрельба умолкла.
С каждою минутою слабеет
запах пороха в окопах волглых.
Вспыхнул огонек в одной траншее.
Это кто-то закурил цигарку
И вздохнул протяжно и уныло:
видно, вспомнился солдату ярко
дом родной — и сердце загрустило.
Может, он и пашню свою вспомнил,
как махал косой во время жатвы,
как с едой к нему спешили в полдень
мать, жена и малые ребята.
Но исчезли милые виденья.
Снова явь. Чуть-чуть светлее стало.
Значит, скоро снова наступленье,
снова залпы, взрывы, лязг металла.

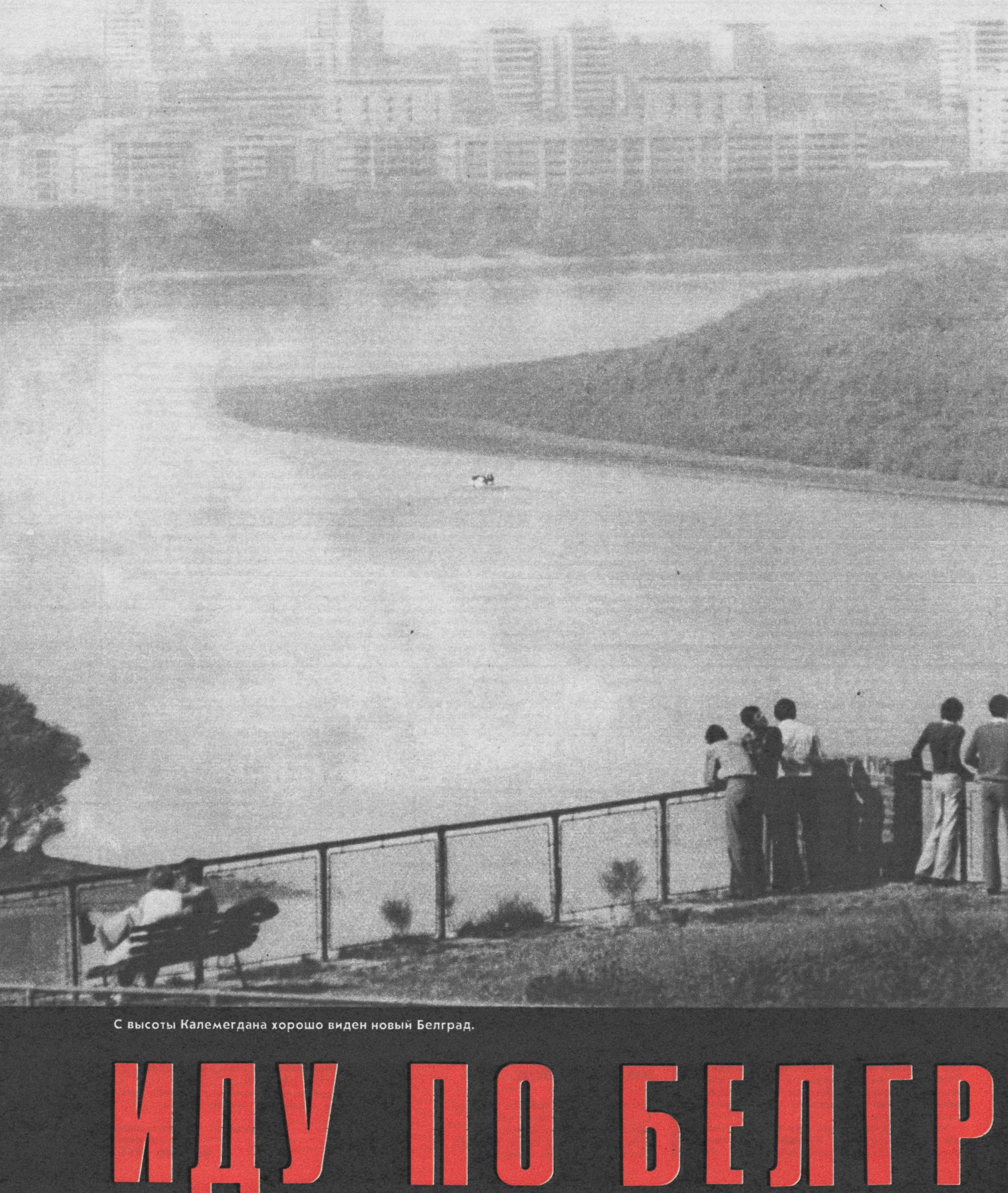
Мира АЛЕЧКОВИЧ

Отец

В родном селе, которое сожгли фашисты,
к пепелищу соседского дома
подошел человек.

Перед порогом колыбель пустую увидел
и взял в руки чепчик младенца.
Может, соседи спаслись? А может,
погибли?..
Вдруг на нем он увидел темные пятна —
и сердце заныло от мрачных предчувствий.
Глядя на чепчик чужого младенца,
он начал грубой рукой его нежно гладить...
Потом положил назад, в изголовье,
и тихо заплакал.
Горько плакал прошедший войну человек
над колыбелью чужого ребенка...

Перевел с сербскохорватского
и македонского
Владимир ЧЕСТНОЙ.

С высоты Калемегдана хорошо виден новый Белград.

ИДУ ПО БЕЛГР

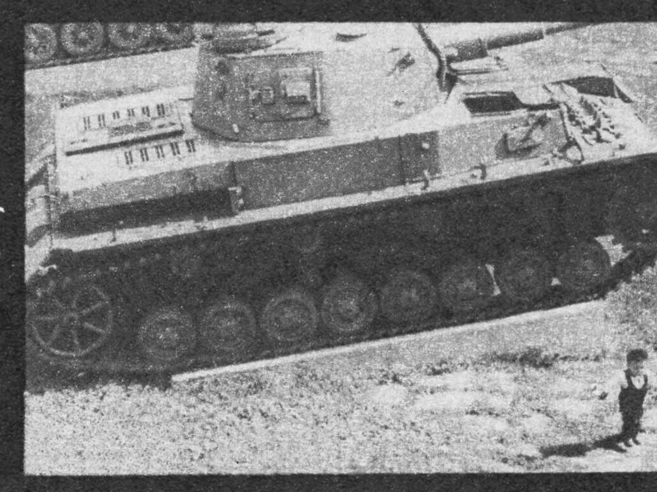
Стеван Боднаров.

За нарушение правил стоянки.

Танцуют гости фестиваля «Радость Европы» — ереванские пионеры.

У крепостной стены — экспонаты Военного музея.

АДУ

Новелла ЦВЕТКОВА

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

не повезло: я совершила прогулку по Белграду сразу с тремя белградцами — Слободанкой, Градо и Горданой. «О Белграде надо писать в трех измерениях времени — вчера, сегодня и завтра»,— убеждала моя коллега из журнала «Младост», серьезная, неторопливая Слободанка Митрич. «Так, пожалуй, верно будет,— поддержал ее Градо Живкович, водитель машины, на которой было задумано совершить это путешествие.— Я работаю

в такси десять лет, и всегда люди просят показать прошлое города и новые улицы!» «А по-моему, надо больше рассказывать о новом Белграде!» — настаивала студентка Гордана Бурсач. Она была моложе на четыре года Слободанки и Градо, которые родились здесь двадцать шесть лет назад. Вроде бы и невелика разница, но когда зашел разговор, кому по душе больше старый город, а кому новый, Градо и Слободанка были единодушны — их сердца навечно отданы старому Белграду, его торжественному Бульвару Революции, улице князя Милоша, что скатывается под горку зеленым потоком к Теразие, где вечерами прогуливается весь Белград.

— А я люблю новый город, светлый, просторный, солнечный,— горячилась Гордана.— Мне повезло: я успела здесь родиться.

И верно — успела! Всего четыре года разделяют их, почти ровесников, но именно за этот короткий срок новый Белград, который виделся вначале как некий градостроительный символ, вдруг поднялся современными, многоэтажными кварталами. И все-таки...

— Скажи, Градо, куда чаще всего едут белградцы в выходные дни?

— В Калемегдан, конечно!

Итак, наш путь туда, где две тысячи лет назад начиналась история не только этого города, но и во многом всей страны.

Белград, этот город-работяга, обычно на ногах уже в пять утра. Ведь в столице, насчитывающей свыше двухсот крупных и множество мелких предприятий, производится почти все, что можно встретить в Югославии,— от скоростных речных судов, что рождаются на верфи имени Тито, которую мы только миновали, до модных туфелек для «мисс Югославии». Но сегодня воскресенье. Сегодня Белград отдыхает. Улицы, с которых схлынул густой поток пешеходов и автомобилей, выглядят непривычно пустынными. Только не Теразие! Здесь, как всегда, оживленно. «Сладолед, сладолед!» — распевают на все лады продавцы мороженого. Как и москвичи, им увлекаются поголовно все белградцы. И еще они очень любят жареную кукурузу. Ее приготавливают на уличных жаровнях и тут же вручают прохожим горячий, аппетитно пахнущий початок. Ешьте на здоровье! А если хотите узнать, не вредит ли вам это пристрастие,— остановитесь на зов колокольчика, что пляшет в руке степенного старичка в высокой папахе. За его спиной весы и табличка, написанная от руки: «Гарантирую точный вес. Если ошибусь,— плачу тысячу динаров!» По всему Белграду с утра до ночи слышен звон колокольчиков, но, увы, видно, редко кого интересует точный вес...

— Посмотри, вот здесь в новом Дворце спорта «Пионер» проходил X съезд Союза коммунистов Югославии,— говорит Слободанка.

— Градо, притормози чуть-чуть,— просит Гордана.— Я хочу показать новую библиотеку, самую большую в стране.

Мы медленно объезжаем здание необычной архитектуры, мне оно напоминает восточную пагоду.

— Да что ты? — удивляется Слободанка.— Это же национальный стиль старой Сербии!

Самое большое увлечение ее — история. Впрочем, как она нам объяснила, в Югославии все с малых лет хорошо знают историю страны.

— Она научила нас крепко любить родину и тех, кто помогал ей в борьбе за независимость,— говорит Слободанка.— В самые трудные дни с нашим народом была всегда Россия. Этого здесь никогда не забывали и не забудут.

...Вот и Калемегдан! Окруженная тенистым парком, крепость высится на высоком холме. А внизу, обняв голубыми рукавами зеленый остров, несут свои воды Сава и Дунай. Вдалеке, за водным простором, подымается белоснежный новый Белград. Со старым Белградом его соединяет мост, по которому движется непрерывная вереница автомобилей. Там, внизу, остался шум большого города. Сюда не долетает его жаркое, отравленное бензином дыхание. Увитые плющом крепостные стены охраняют тишину. По вечерам это место влюбленных. А сейчас тут дети и старики: укрывшись в тени платанов, они сражаются в шахматы, совсем как наши старики на московских бульварах.

Тридцать девять раз был разрушен и вновь поднимался из руин Белград, и Калемегдан, словно старый воин, хранит на себе рубцы минувших сражений. Уткнув тяжелые жерла в землю, молчат давно умолкнувшие пушки. У крепостной стены, под деревьями, остановились танки и самоходные орудия. Экспонаты Военного музея... А для маленьких белградцев это просто большие игрушки. Поднятые на танки руками отцов и матерей, заливаясь веселым смехом, ребятишки топают по броне.

Рядом с нами остановилась молодая семья с двумя мальчиками. Младший учится ходить, а старший, встав на цыпочки, заглянул в дуло темно-зеленой пушки.

— Папа, а для чего эта дырка?

— Отсюда, сынок, выходила смерть...

Миллион семьсот тысяч — более десяти процентов населения — потеряла в минувшей войне эта маленькая страна. И белградский шофер Градо Живкович, из семьи которого война вырвала близких, везет нас к героям, которые тридцать лет назад в смертельной схватке с врагом освободили этот город.

...Под березами и елями — нескончаемый ряд белоснежных плит. Блажо Попивода, комиссар 1-го батальона 1-й Пролетарской бригады, Светозар Живкович, Богдан Томич, Милан Петрович, Неопознанный боец 2-й бригады. А по другую сторону дорожки, словно на вечной перекличке, наши — Алексей Лукьянов, Иван Мукленко, Шайми Назиров, Сидоровна, Мишка-танкист...

— Тут у Мишки всегда лежат цветы,— послышался за моей спиной голос. Я обернулась и увидела пожилого, скромно одетого человека.

— Приехали повидаться с близкими? — спросил он.— Из вашей страны тут часто бывают родные героев. На днях две сестры приезжали к брату. Он был летчиком... Стояли они вот тут и слезами обливались.

Байра Илияз, так звали этого человека, десять лет ухаживает за цветами и деревьями.

— Сердце человеческое все помнит, ничего не забывает, хотя и прошло уже тридцать лет,— в раздумье сказал он.— Скоро я стану совсем стариком, а они, эти герои, что кровью побратались на нашей земле, так и останутся навечно молодыми.

Тысячи людей в этой стране и в этом городе — побратиме Москвы — связаны тысячью живых нитей с нашей страной и нашим народом. Стоило мне разговориться с кем-нибудь из белградцев, как непременно у нас находились общие знакомые.

— Ты москвичка? Может быть, знаешь Стимару Зайцеву? — спросила Слободанка Митрич.— Она работает в издательстве «Молодая гвардия» и гостила у нас в Белграде. А потом я была у нее дома, в Москве, и она угощала меня чудесными блинами.

Слободанка ничуть не удивилась, услышав в ответ, что я давно знаю Стимару и тоже угощалась ее блинами. Случайность — скажете вы? Конечно! Но случайность закономерная — в этом убеждали встречи в Белграде.

...Скадалрия. Тот, кто хоть раз попадал в эту часть старого города, вряд ли забудет белградский Монмартр. Здесь, в этих улочках, облюбованных еще в давнюю пору знаменитыми в Югославии поэтами, артистами и писателями, всегда царит праздник. На булыжной мостовой при свете уличных фонарей танцуют и стар и млад. Сюда приносят художники свои первые работы, а в уютных маленьких кафе звучат романсы, популярные еще сто лет назад. В кафе нас пригласил главный редактор журнала «Свет» Драгиша Попович, и закончился этот вечер неожиданно — мы пели дуэтом советские и югославские песни вместе с Любомиром Черевицким, директором агентства «Белград». С Черевицким мы никогда прежде не встречались. Он подошел на минуточку к своему приятелю Драгишу, но, узнав, что мы из Москвы, присел рядом, да так и остался, к нашей великой радости. У этого веселого, симпатичного человека оказалось много советских друзей во многих городах. Откуда? Очень просто! Агентство «Белград» не только посредник в экономических контактах между нашими странами. Вместе с друзьями из «Интуриста» Черевицкий помогает югославам совершить путешествие в нашу страну, а советским людям — увидеть Югославию.

...Неподалеку от гостиницы по вечерам вспыхивала неоновая надпись «Народно позориште» — народный театр. Здесь мы увидели, как умеют белградцы смеяться. В тот вечер в театре шла пьеса из программы Белградского международного фестиваля драматического искусства. Неподалеку от нас сидел автор пьесы, советский драматург Макаёнок, и волновался: поймут ли зрители вот так, без перевода его комедию, начиненную, словно перцем, смачным народным говором? Поняли и хохотали от души! Когда же два дня спустя я зашла в гримерную к артисту и постановщику многих спектаклей в этом театре Стеве Жигону, который к тому же является секретарем Союза театральных работников, он охотно объяснил, в чем тут секрет.

— Белград всегда дружил с русским театром и русской литературой. Островский, Чехов, Достоевский и Толстой не сходили с его сцены. На послевоенное развитие нашего театра огромное влияние имели гастроли советских театров. Белград помнит такие спектакли, как «Любовь Яровая», «Бронепоезд 14-69». В нашем театре идут «Волки и овцы», поставленные Евгением Симоновым. Здесь играл Егора Булычова Ливанов... Мне же посчастливилось работать с режиссером Юрием Завадским. Он ставил здесь «Иванова», и я играл главную роль. Это был спектакль удивительно тонкий... Русский театр стал ценностью нашей культуры. И не случайно на нынешнем международном театральном фестивале большой успех выпал на долю московского театра на Малой Бронной, который привез два интересных спектакля — «Трибунал» Макаёнка и мольеровского «Дон Жуана», получившего главную награду.

— Скажите, вы белградец?

— Я из Словении, родился в Любляне, но считаю себя белградцем и очень его люблю. У этого города открытый, общительный нрав. Наверное, на это повлияло то, что он на перекрестке дорог востока и запада. А может, это оттого, что стоит он сразу на двух реках! Это стремительный, энергичный город, и вместе с тем в нем есть что-то от моего любимого Ленинграда.

Здание Союзной Скупщины СФРЮ (парламента) в Белграде.

На Смедеревском металлургическом комбинате. Директор по капитальному строительству Станимир Петрович (слева), уралмашевец Юрий Колесов и Любиша Иванович.

На развороте вкладки:

Обер-мастер доменной печи Янко Девечерски.

Огни Сплита.

Прошлое и настоящее.

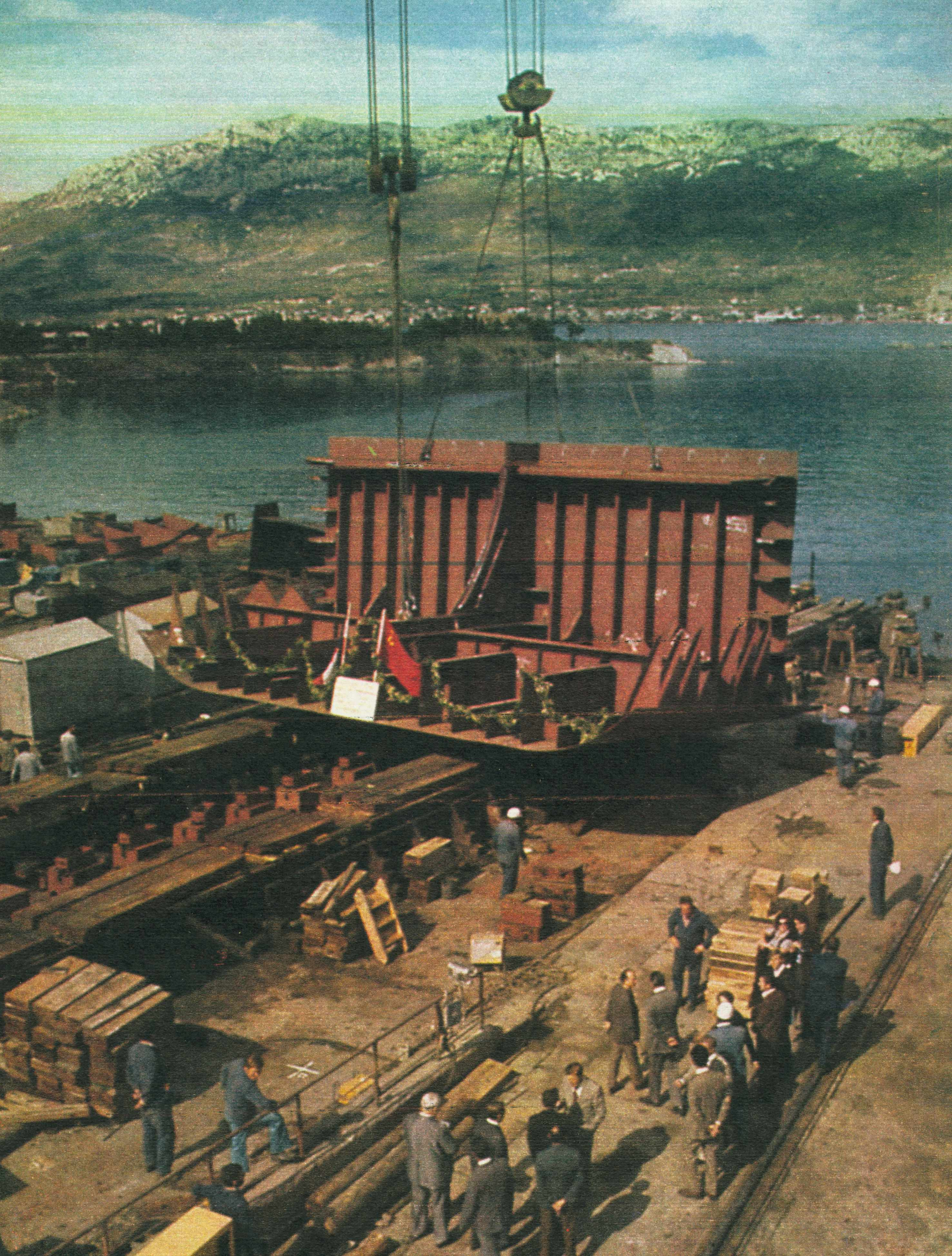

МИШКА ТА

НКИСТ

— От «вашего» Ленинграда?

— Ну да! Ведь я там учился театральному мастерству.

...И еще одна встреча. Стеван Боднаров. Седоголовый, как лунь, семидесятилетний художник и скульптор. Пятьдесят памятников прославленным героям, что стоят на земле Югославии, созданы руками этого человека. Незабываем вечер, проведенный в его гостеприимной семье, с которой нас, огоньковцев, познакомил советник советского посольства Леонид Керестеджиянц.

— Как вы чувствуете себя у нас в стране? — пытливо вглядываясь в наши лица, спрашивал хозяин дома. Услышав наш пылкий ответ о замечательных людях, с которыми мы познакомились и как-то сразу подружились, он удовлетворенно рассмеялся.

— Это не удивительно, ведь мы с вами листья с одного дерева... Да, с одного!

Многие его работы еще не вернулись с выставки, и в мастерской остались лишь некоторые скульптурные портреты. Нам почудилось, что ателье населено живыми людьми, со всей своей неповторимой индивидуальностью.

— Правда? — с живостью переспросил скульптор.— Я считаю, что талант каждого из нас должен быть отдан человеку. Без реалистического изображения человека и мира, который его окружает, нет настоящего искусства! Об этом вчера я говорил по радио Белграда.

— Скажите, что значит для вас Белград?

— Это вся моя жизнь.

...6 апреля 1941 года, в день первой атаки фашистских бомбардировщиков на Белград, сын многодетного сельского кузнеца молодой художник Боднаров, который давно уже тайно сотрудничал с коммунистами, сказал себе: «Стево, отложи в сторону кисть и карандаш. Теперь главное — борьба!» Его ателье стало местом, где прятались от полиции патриоты. Здесь хранились листовки с Восточного фронта, динамит и оружие, здесь проходили заседания подпольного городского комитета партии. Стеван Боднаров научился конспирации еще во время студенческих демонстраций в тридцать четвертом году и в тридцать шестом, когда пытался пробраться из Парижа на помощь испанским антифашистам. В Белград он привез тогда из Парижа кипу нелегальной литературы. Среди книг были две ленинские работы, переведенные на сербский язык.

— Родина Ленина всегда была для коммунистов главным источником, из которого черпали мы силы для нашей борьбы. Весной сорок первого я стал коммунистом, а под Новый год очутился в самой страшной белградской тюрьме. Самое тяжелое в жизни я пережил там. Палачи избивали меня воловьими жилами, сменяя друг друга. Зная, что у них нет прямых улик, я твердил одно: «Я художник, мой дом открыт для всех...»

Боднарова бросили в концлагерь под Белградом, а через полгода отпустили, установив слежку за его ателье. Он сумел еще раз обмануть полицейских и пробрался в партизанский отряд, а оттуда — в 23-ю ударную дивизию.

— В октябре сорок четвертого в Неготине мы встретились с советскими войсками. Это был праздник, настоящий праздник.— Он помолчал и в раздумье продолжил: — А теперь вместе с советскими друзьями мы готовимся отпраздновать 30-летие нашей победы над фашизмом. Это будут яркие торжества, можете мне поверить. И знаете, что вам скажет большой оптимист Боднаров? Я верю, что встречу еще сорокалетний и даже пятидесятилетний юбилей освобождения нашего прекрасного Белграда, и хочу по случаю этого праздника передать читателям «Огонька», представителям советского искусства мои искренние, сердечные поздравления. Пусть же все те, кто борется за счастье людей на нашей планете, стоят на страже мира единой, крепкой, боевой дружиной!

Вот какие были у нас встречи с белградцами!

...Ну, а теперь — в новый Белград. На Саве, лениво несущей свои воды,— воскресная тишина. Грузовой теплоход один-одинешенек торопится к стрелке. Должно быть, пойдет вниз по Дунаю. Градо Живкович направляет машину на бульвар Ленина. Это главная магистраль нового Белграда. За пределами города она сливается с автострадой «Братство и Единство», которая связывает столицу с Загребом и Любляной.

— Вот мой дом,— показывает Гордана,— посмотрите, как он хорошо стоит!

Все дома здесь поставлены лесенкой, чтобы всем хватало солнца, недаром новый Белград называют «городом солнца». Мы считаем этажи: здесь пять, там девять, а еще дальше — пятнадцать. В каждом таком микрорайоне свои магазины, школы, детские сады. И самая характерная черта местного «пейзажа» — башенные краны.

— Вот тут совсем недавно еще была деревня.— Градо чуть притормаживает у нарядных домов с контрастными цветовыми полосами на фасадах.— Деревня называлась Бежанийская коса. А это улица Юрия Гагарина...

— Знаешь ли ты, что новый Белград с самого начала был молодежной стройкой? — спрашивает меня Слободанка.— В сорок седьмом году сюда пришли отряды строителей. Пятнадцать миллионов кубометров песка привезли они на болота...

— Кто из вас строил Белград?

— Я,— ответил Градо.

— И я тоже — каждое лето,— сказала Слободанка.

— А я уже два года работаю в студенческом рабочем отряде «Испанец»,— объявила Гордана.— Новый Белград называют «студенческий град». Это самое большое в стране студенческое общежитие, где живет почти восемь тысяч студентов. Хотите увидеть его?

— Конечно!

— Тогда поехали в Дом молодежи,— предлагает Гордана,— я хорошо знаю директора Спасое Грдинича.

...Первое, что мы услышали, перешагнув порог мраморного холла Дома, была песня.

Ой, рябина, рябинушка,
Что взгрустнула ты?

Песня звучала откуда-то издалека, и мы пошли ей навстречу.

Нас обогнал высокий юноша с книгами под мышкой.

— Скажите, где найти директора?

— Я первокурсник и еще не всех тут знаю...

Смилич Средчо, так назвал себя юноша, отлично говорил по-русски.

— Где вы учитесь?

— На машиностроительном факультете университета.

— Белградец?

— Нет, я из маленького городка. Он называется Куршумлия.

— А кто родители?

— Крестьяне, но я буду первым в нашей семье инженером!

— Нравится Белград?

— Очень! Хотя после моего родного городка с непривычки от шума порядком устаю.

Пожелав будущему инженеру успехов, мы отправились на поиски директора. Как выяснилось, сегодня в Доме молодежи должна была состояться встреча с участниками международного театрального фестиваля, и Спасое Грдинич проверял, все ли готово к предстоящему вечеру.

Много лет он работал в городской организации Союза молодежи Югославии (теперь Союз социалистической молодежи Югославии). За участие в создании молодежной самодеятельности он удостоен высокой государственной награды. Но самая большая награда для него — этот Дом, который был открыт в канун X партийного съезда. Дом занимает десять тысяч квадратных метров: здесь есть летняя и зимняя сцены, библиотека и три ателье, где студенты могут заниматься музыкой, рисованием и делать фильмы. «Некоторые наши студенческие ансамбли были в Советском Союзе, и мы были бы рады, если бы у нас в гостях побывала самодеятельность Московского университета!» — сказал Грдинич.

Градо совсем нас заждался, пока мы вместе с директором осматривали Дом молодежи и договаривались о следующей встрече.

— Сегодня в шесть футбол,— напоминает он,— надо успеть добраться домой!

Градо Живкович полностью разделяет страсть белградцев к футболу. Мне уже приходилось видеть в часы телепередач футбольных матчей толпы болельщиков у витрин магазинов, торгующих телевизорами. Спортивность — это тоже черта белградского характера. Заскочив на минутку в кафе «Гольф», мои гиды за чашкой кофе рассказывали, что наиболее популярны здесь футбол, волейбол и шахматы и что каждый из них тоже отдал дань спорту. Градо три года играл в городской футбольной команде «Слобода». Гордана Бурсач занимается дзюдо и карате, а Слободанка Митрич — неплохая теннисистка.

...И снова за окном автомобиля мелькают улицы и дома. Наше путешествие заканчивается в Земуне — промышленном городке, который уже стал частью Белграда. Сюда нас привели развешанные по всему городу плакаты: нарисованные ребячьей рукой смешные человечки. Плакаты сообщали о встрече детей Европы. Ее участников мы нашли в Национальном театре. На открытие фестиваля «Радость Европы» приехали дети из социалистических стран, а также из Скандинавии, Италии, Великобритании, Австрии и Франции. В зале одни ребята. И на сцене — тоже они. Мальчик и девочка с белым бантом в косах вышли из-за кулис и объявили: «Выступают дети из Советского Союза. Танцуют участники самодеятельного ансамбля Ереванского Дворца пионеров!»

Девочка рядом с нами захлопала в ладоши.

— Смотрите, это моя Сюзанна, вот она самая первая!

— Ты знаешь эту девочку из Армении?

— Конечно! Она мой гость и живет у нас дома.

— Как тебя зовут?

— Десанка Суботички.

— Сколько же тебе лет?

— Десять. А моей сестре двенадцать!

В наш разговор вмешивается белокурая, миловидная женщина с папкой в руках.

— Вы из Советского Союза? Это замечательно! Давайте знакомиться — Донка Шпичек, редактор детской передачи «Встречи по четвергам» и организатор этого фестиваля.

Вот это удача! От Донки мы узнали, что Белград уже в шестой раз приглашает детей Европы на эту прекрасную встречу. На этот раз съехалось 500 гостей, и всю фестивальную неделю они проживут в домах юных белградцев, которые собрались сегодня здесь, в этом зале. Главная цель фестиваля — пусть молодое поколение стран Европы, пострадавших в минувшую войну больше всех, ближе узнает друг друга и крепче подружится. Языковой барьер? Его не существует! Ребята каким-то образом прекрасно понимают друг друга. Но есть другие проблемы. Например, из Советского Союза приехало всего 13 участников фестиваля, а желающих пригласить их в свой дом — свыше ста. Как же их поделить? Были обиды и даже слезы, но это были очень хорошие слезы, хотя на фестивале «Радость Европы» плакать никому не полагается.

...Вот и пришла моя пора расставаться с этим чудесным городом. Я расстаюсь с ним, чтобы встретиться снова. Потому, что в Белград влюбишься мгновенно и навсегда.

На судоверфи «Сплит». Торжественный момент закладки танкера «Сухуми» для Советского Союза.

Каждый морской город имеет свои особенности. Таков и Сплит, расположенный на берегу Адриатического моря, в глубине бухты. Мы прилетели вечером и, когда вышли на балкон отеля, увидели переливающиеся в темных волнах блики ярко освещенных улиц.

Здесь находится судоверфь «Сплит», с которой Советский Союз имеет деловые отношения.

Бывает особое журналистское везение. Мы считаем, что именно в Сплите оно нам сопутствовало, потому что на другое утро после нашего прилета на верфи должна была произойти закладка нового танкера — «Сухуми». Об этом нам рассказал инспектор Всесоюзного объединения «Судоимпорт» Анатолий Григорьевич Бидник, бывалый моряк из Одессы, который плавал на многих морях и океанах.

День выдался солнечный. Нам повезло во второй раз, потому что в Сплите до этого стояла ненастная погода. Мы беседовали с нашими специалистами: с Юрием Николаевичем Шариковым — инженером-приемщиком, Дмитрием Николаевичем Голубевым — регистром-механиком, Юрием Тимофеевичем Поповым. Они говорили о том, что корабли строят на верфи в Сплите добротно, в соответствии с требованиями заказчиков. Работа югославских корабелов отличается тщательностью исполнения.

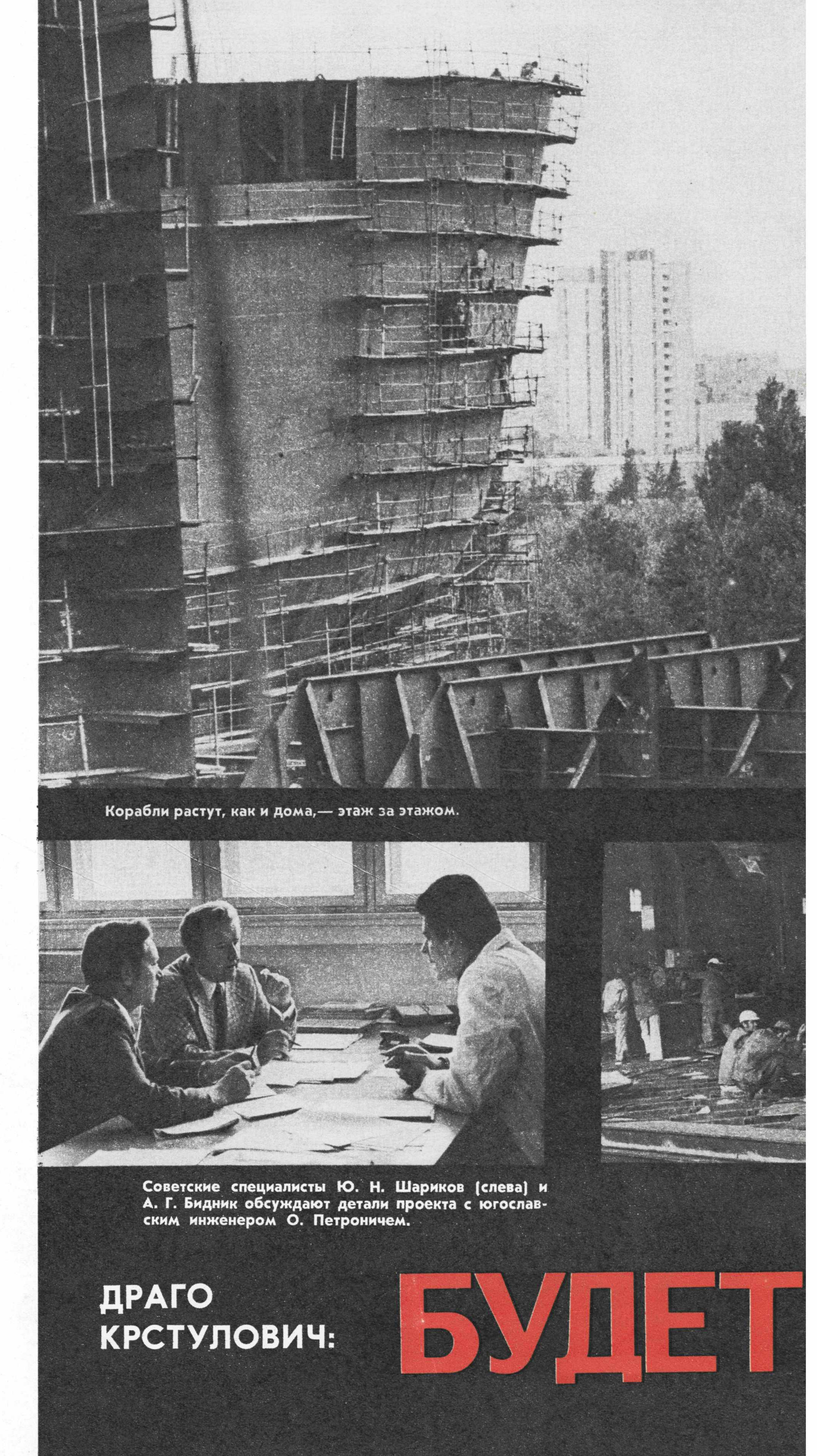
А потом мы ходили по территории верфи, узнавая многое, что помогало представить степень добрых отношений между нашим торговым флотом и югославскими судостроителями.

Высокий молодой инженер Жанко Шитич, сравнительно хорошо говоривший по-русски, показывал нам верфь, огромный корпусный цех, где в это время шла интенсивная сварка. Раньше она была полуавтоматическая, надо было переворачивать тяжеленные листы, а сейчас варка шва ведется с одной стороны, и это нововведение, как объяснял Шитич, упростило работу.

В полдень все собрались возле стапелей. Около готовой секции были подняты два флага — советский и югославский. Здесь же лежали гирлянды из цветов. Так рождался новый корабль «Сухуми». Запомнили мы дату его рождения — 12 часов 30 минут 1 октября 1974 года.

Директор верфи Драго Крстулович сказал:

— Это двадцать первый корабль, который мы делаем для Советского Союза. Мы очень довольны, что строим именно то, что нужно нашим друзьям. За эти годы мы спустили на воду для СССР 20 кораблей. Сейчас создаем более совершенные и современные суда. В наших деловых отношениях не должно быть пауз и перерывов — в этом мы видим утверждение дружбы между нашими народами. И дружба эта будет крепнуть! Прошу передать советскому народу горячий привет и лучшие пожелания югославского народа.

Корабли растут, как и дома,— этаж за этажом.

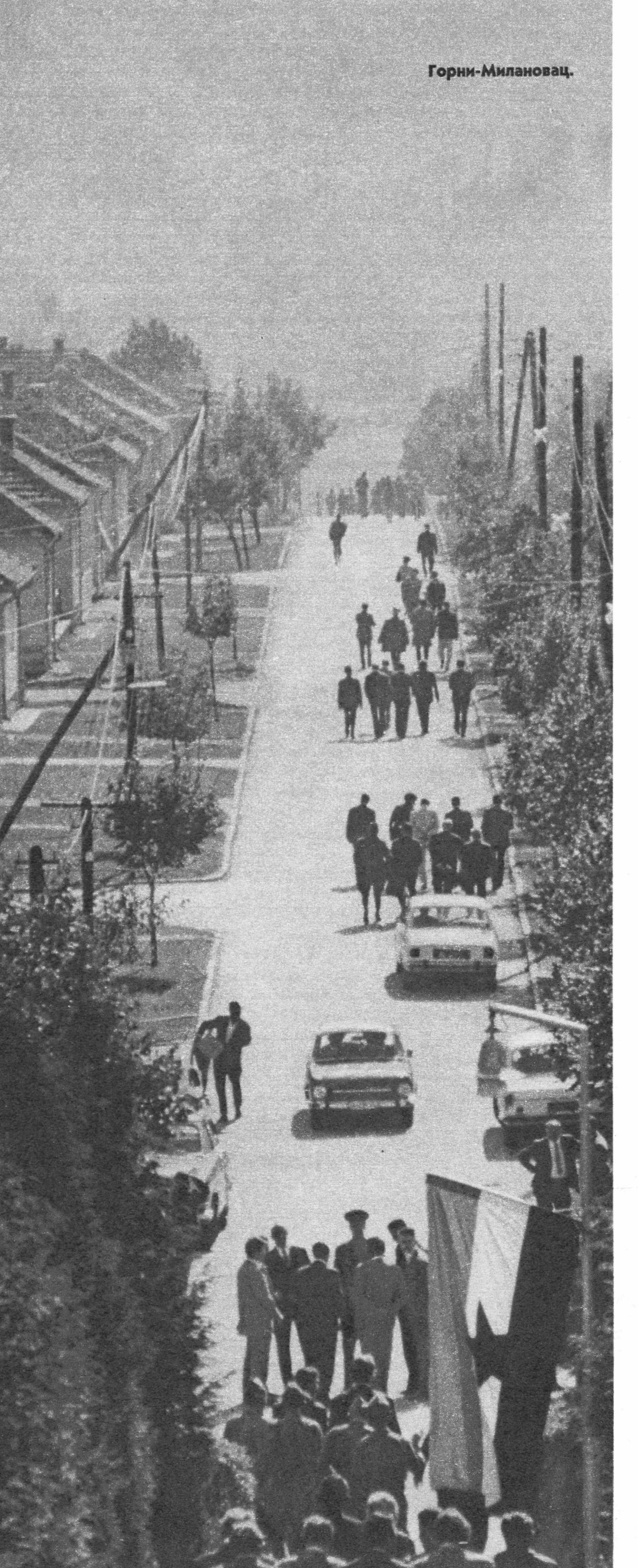
Советские специалисты Ю. Н. Шариков (слева) и А. Г. Бидник обсуждают детали проекта с югославским инженером О. Петроничем.

ДРАГО КРСТУЛОВИЧ: БУДЕТ

Корабелы за работой. Инженер Шитич

21-й КОРАБЛЬ

Горни-Милановац.

НА СОТ

А. СОФРОНОВ

Все уже было позади: и солнечное яркое утро, и горная, но не очень крутая дорога из Белграда в Горни-Милановац, и рассказы о жителях этого красивого края, героически сражавшегося с фашистскими оккупантами. Впрочем, жестокость противника рождала геройство югославских партизан, громивших во время войны насмерть врагов. И этот край и сам Горни-Милановац остались в истории подвигов югославских воинов еще и тем, что в сентябре 1941 года партизаны захватили город и держали его два месяца — до тех пор, пока немецкие каратели варварскими бомбежками не смели этот старый город с лица земли. Как это было, мы видели на экране, сидя во время торжественного заседания рядом с Народным героем Югославии Милутином Луковичем.

— Город переходил из рук в руки. И все было уничтожено дотла,— взволнованно говорил он нам. И это мы видели на экране — руины старых стен, пустынные, исковерканные воронками площади города.

А еще до заседания мы поднимались на взгорье, где на пронзительном ветру вблизи друг от друга стоят два монумента, две высоких плиты; на одной высечены слова скорби и вечной памяти о тех югославах, которые отдали жизнь, защищая родную землю, а на другой плите — с таким же чувством написанные слова о советских воинах, сражавшихся за свободу Югославии в этих местах, не жалея своей жизни.

Здесь же, невдалеке, стоял и еще один памятник, несколько необычной конфигурации, увенчанный поверху на первый взгляд острыми шипами, но как потом нам объяснили, эти шипы символизировали ростки жизни. Никто из гостей сначала не разобрался в этом памятнике, а затем выяснилось, что он был воздвигнут здесь норвежскими патриотами в благодарность за боевую помощь югославских партизан, сражавшихся вместе с бойцами Движения сопротивления Норвегии. Добрыми товарищами оказались югославы и для норвежцев. Один из них был в этот день также здесь и праздновал со старыми боевыми друзьями памятную дату. Он же и показал деревянное строение барачного типа, в котором стояли два топчана, прикрытые грубошерстными темными одеялами. Оказывается, и барак этот был памятной постройкой — в таких норвежские партизаны делили кров с югославами и, как тут же выяснилось, и с советскими партизанами.

Потом мы спускались с горы по широким ступеням в город. Проходили мимо новых опрятных домов горняков. Занимающийся дорожным строительством в местной скупщине Влада Йовович, тоже партизан, говорил мне, посмеиваясь, что местные жители вообще люди весьма воинственные и очень уважают огнестрельное оружие. Один из старых партизан до недавнего времени хранил 77-миллиметровую пушку. О том, что пушка находилась у него в сарае, односельчане знали, но молчали. Когда родился внук, дед-партизан на радостях дал выстрел из пушки. Пушку волей-неволей пришлось сдать. А другой партизан в стоге сена хранил легкий танк и тоже все не сдавал его и даже ухитрялся пахать на нем. Но и танк в конце концов, к великому огорчению партизана, пришлось сдать.

После торжественной части и просмотра документального фильма, в котором мы, кроме всего, услышали, как партизаны пели «По долинам и по взгорьям», мы вышли на улицу, где в красочных одеждах толпились на тротуаре пожилые люди. Лица их сохранили словно бы и неизгладимую суровость и вместе с тем были озарены доброй улыбкой, как отблеском далекого времени, осветившим настоящее.

И еще был веселый и шумный обед в большом зале ресторана отеля «Шумадия», что стоял обращенный окнами на широкую и тоже веселую в этот день площадь.

Мы с Дмитрием Бальтерманцем оказались за столом, за которым сидели ныне уже степенные хозяйственники. Почти все они воевали здесь же, в этих краях. Правда, как и положено в таких случаях на празднике, были гости из других районов Югославии, но и они не чувствовали себя гостями, потому что тоже воевали, а теперь, через три десятилетия, все вместе пожинали плоды завоеванной тогда победы.

И мы себя здесь тоже чувствовали свободно. К нам все время подходили все новые и новые люди, называли свои имена и приглашали в гости, причем немедленно, сейчас, прямо после этого стола. «Тут недалеко, всего двадцать или тридцать километров». Нас приглашали посмотреть завод, шахту, комбинат или еще какое хозяйство...

А веселый и чем-то по-особому красивый директор рудника Драган Чирич уже прямо упрекал нас в равнодушии и в пренебрежении к югославскому гостеприимству. Во время войны он воевал в советской части, был награжден орденом Отечественной войны, и команди-

ОМ КИЛОМЕТРЕ

ром этой части был прекрасный человек, имени которого он не запомнил точно, но запомнил, что командир этот был из Киргизии...

А когда закончился праздничный обед и мы вышли на освещенную осенним, но все еще щедрым солнцем площадь, оказалось, что еще очень рано, всего три часа дня. Но куда-либо в гости ехать все равно было нельзя, так как на другой день предстоял отлет в Загреб, а затем еще и в Сплит, где мы хотели побывать на верфях, строящих для Советского Союза танкеры.

Не торопясь, мы пересекли площадь и подошли к скупщине, где стояла наша машина. Затем, взглянув еще разок на все, что лежало вокруг, не спеша тронулись в путь. Советник нашего посольства в Югославии,— к нему мы присоединились, чтобы побывать на этом празднике,— Виталий Константинович Колдовский, после того, как мы отъехали от Горни-Милановаца километров пятнадцать, спросил:

— Ну, как?

— Отлично: словно бы изнутри увидели Югославию.

— Вот именно,— сказал Колдовский и вдруг спросил: — А вы бывали в дорожной кафане, куда люди заходят просто выпить рюмку ракии или чашку кофе?

— Это совпадает с нашими желаниями.

— Конечно, по части кофе?

— А как может быть иначе?

— Тогда давайте подвернем к этой,— указал Колдовский на стоящую прямо у дороги кафану.

Мы поднялись по каменной лестнице и, не сговариваясь, остановились у порога. Есть такой обычай в Югославии — на небольшом листе бумаги в траурной рамке, с портретом посредине сообщать о кончине близкого человека. Здесь, на дверной раме, висело траурное извещение, с которого скорбно глядела пожилая женщина...

Мы в нерешительности смотрели друг на друга. Но в это время открылась дверь кафаны и на крыльцо вышли юноша и девушка. Дверь за ними так и осталась незатворенной.

— Кафана работает,— сказал Колдовский, и мы вошли в небольшой, почти пустой зал, в котором стояли маленькие столики с металлическими ножками и такие же легкие стулья.

К нам подошел человек в черных брюках и черной рубашке, к которой был прикреплен небольшой медальон, изображающий подкову. Через несколько минут он принес чашечки кофе, а следом к столу подошел и, решительно отодвинув стул, присел незнакомый человек. Он был слегка «навеселе».

— Вы русские?

— Да.

— Можно с вами выпить рюмку ракии?

— Да мы, собственно...

— Нельзя отказываться... Умерла мать Драгана... Завтра здесь будут поминки. Драган — это он,— подсевший указал на человека, подавшего нам кофе.— А я женат на его сестре... И зовут меня Бранко, а фамилия Тодорович...

Весь этот короткий монолог продолжался с небольшими остановками до тех пор, пока Драган на подносе не принес несколько рюмок ракии. После этого Бранко поднялся и сказал:

— В ее память...

Поднялись и мы.

— Спасибо, товарищи,— сказал уже на этот раз Драган, сын покойной, и вышел на крыльцо. Оттуда, с улицы, потянуло запахом дыма и жареного мяса. Вскоре Драган вернулся с пожилым, просто одетым человеком и сказал:

— Это мой папа.

Вдовец угловато подал нам заскорузлую, в мозолях руку.

— Вы русские,— сказал он.— Я знаю... Завтра соберутся у нас на поминки родные и близкие... Русские всегда были для нас родными и близкими. Они сражались вместе с нами. Мы их видели здесь во время войны, вместе с нами в горах, и после войны, когда мы победили вместе с ними фашистов...

— Я скоро поеду туристом в Москву,— неожиданно сказал Бранко, муж сестры Драгана.

Вдовец на мгновение остановился и посмотрел спокойными глазами на Бранко, словно ожидая, что Бранко что-либо скажет еще такое, что может помешать его мгновенно возникшей мысли. Но Бранко, видимо, почувствовав, что он не совсем вовремя сообщил о своем намерении поехать туристом в Москву, сделал какой-то неуловимый жест рукой, который, вероятно, должен был значить, что он, безусловно, уступает все права для разговора своему тестю.

— Она долго болела,— спокойно и без тени драматизма продолжал вдовец.— Она была хорошей женой и доброй матерью.

— Очень доброй,— не удержался Бранко.

— Я прошу вас помянуть ее со всем, что и положено в таких случаях.— И вдовец обратил глаза на своего сына, который, казалось, уже и раньше понял, что́ ему надлежало делать, и ставил на стол тарелки с теплым, еще пахнущим дымом поросенком со всякой приправой, соусами и обязательным для сербского стола красным перцем.

— Прошу,— сказал вдовец, как показалось нам в этот момент, еще не очень старый человек. И мы снова поднялись. И в этот момент появился возле стола маленький черноглазый и тоже в черной рубашке мальчик и прильнул к Драгану.

— Мой сын,— сказал Драган, хотя уже было и так ясно, что это его сын.

— Надо еще один стол,— решительно сказал Бранко, поднялся и легко придвинул соседний столик, и стало свободней, потому что нас уже было не трое, а шестеро, да еще появился мальчик, а за ним и маленькая девочка, которая так же, с другой стороны, обняла Драгана.

— Нада,— сказал Драган,— моя дочь,— хотя было и так видно, что это его дочь.

Мимо нас входили и выходили посетители кафаны. Это были самые обыкновенные горняки и лесорубы, крестьяне и проезжавшие мимо горожане. Все они, проходя мимо нашего нешумного стола, склоняли головы, выражая свое сочувствие семье Йоксимовичей из местечка Угриновцы, что находилось от Белграда ровно на сотом километре.

А вскоре появилась полная молодая женщина, несколько удивившаяся тому, что у двух составленных тесно столиков вместе с отцом находились и дети, что, видимо, здесь не полагалось и что за этим столом сидел старший Йоксимович.

— Моя жена... Елица,— сказал Бранко, помахав ей рукой.

А затем появилась и жена Драгана, худенькая Радмила. Она что-то пошептала мужу на ухо и ушла в другой, такой же, как и первый, маленький зал.

Вдовец время от времени покидал стол и выходил на улицу. Затем снова возвращался и спокойными глазами оглядывал свою семью.

— Мимо нас проезжает немало иностранцев,— сказал он негромко.— Многие заезжают в нашу кафану... Они выпивают свой кофе, свою ракию и едут дальше... А вы русские... Наши дорогие гости... И мы никогда не забудем, что вы разделили с нами эту печальную трапезу.

— А я скоро поеду туристом в Москву,— снова вступил в разговор Бранко.— Я служу в скупщине и собираюсь в Москву.— Все это он произносил как бы уже и не для нас, а для своей жены Елицы, которая смотрела на своего супруга чуть насмешливыми, непрошено улыбающимися глазами.

— Да езжай... Езжай себе,— словно бы продолжая ранее начатый разговор, произнесла Елица.

Мы уже не один раз порывались подняться. Благодарили и выражали самые добрые пожелания этой, вдруг собравшейся за столами семье. Но все или кто-либо подходил еще из этого семейства, или как-то так получалось, что возникал какой-то новый разговор, который неудобно было прервать. В окна было видно, что солнце уже садилось и на дорогу ложились длинные тени.

Наконец мы все же начали прощаться с хозяевами кафаны, все вместе вышли на то самое крыльцо, на котором часа два назад стояли в нерешительности. Вместе с нами вышел и вдовец. Он подошел к костру, на котором обжаривался к завтрашним поминкам баран, повернул его и вернулся к нам. В это время подошли еще две, уже в годах и тоже в черных одеждах женщины.

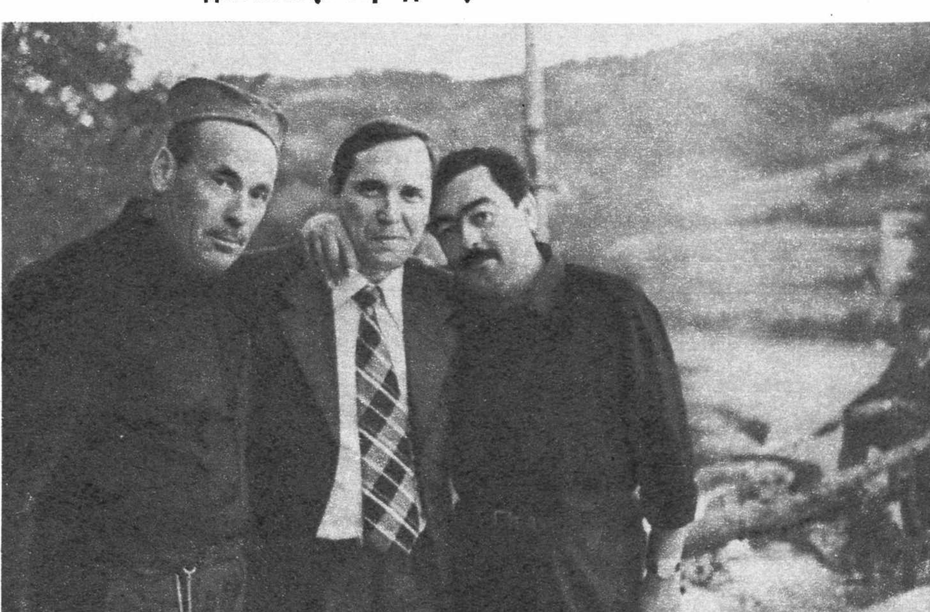
— Мои сестры,— сказал вдовец, и сестры протянули нам свои жесткие руки.

— В беде наши люди всегда помогают друг другу,— сказал старший Йоксимович, утвердительно покачав головой.

Мы сердечно попрощались с нашими новыми знакомыми, напоследок записав их точный адрес, в котором значилось: Угриновцы, почта 32314.

Уже трогаясь с места, мы еще раз взглянули на табличку, где точно значилось, что кафана эта была расположена на сотом километре от Белграда...

Йоксимович-старший, его сын Драган и В. К. Колдовский (в середине).

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ТАНЮГ

СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Три десятилетия миновали с того дня, когда представители всех частей Югославии, которая вела решительную борьбу за свое освобождение, прибыли в Яйце, один из оазисов уже завоеванной свободы, чтобы присутствовать на второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ). Проведенная в самых тяжелейших условиях, вторая сессия АВНОЮ положила начало новому, народному государству.

На снимке: Президент Тито, тогда маршал Народно-освободительной армии Югославии, беседует с депутатами второй сессии АВНОЮ из Черногории.

ТРАДИЦИОННАЯ, 41-Я

Традиционная, 41-я по счету сельскохозяйственная выставка в городе Нови-Сад привлекла в этом году рекордное число участников. На площади около 30 гектаров 1 400 югославских и иностранных участников из 35 стран представили самые новые машины и оборудование для сельского хозяйства и пищевой промышленности.

Пятого ноября 1943 года в историческом городе Яйце югославский революционер, государственный деятель, журналист и художник Моше Пьяде основал Телеграфное агентство «Новая Югославия» (ТАНЮГ), задачей которого было извещать мир о всех событиях в стране и героической борьбе югославских партизан против оккупантов.

Первая военная редакция ТАНЮГ насчитывала человек пятнадцать. В середине октября часть редакции на самолете переправляется на освобожденную территорию Сербии, чтобы 23 октября 1944 года приступить к работе в освобожденном Белграде.

Сегодня, 30 лет спустя, ТАНЮГ стало современным агентством, в котором работает более 500 человек. Ежедневно агентство получает со всех частей света свыше 2 000 информаций. В среднем ТАНЮГ издает в сутки около 800 страниц текста, ведет передачи на английском, французском, русском, испанском и немецком языках для Европы, стран Азии, Африки и американского континента. Ежедневно оно принимает материалы от 40 зарубежных газетных агентств, сообщения от своих постоянных корреспондентов в сорока странах мира. Агентство имеет в Югославии корреспондентов во всех республиках и двух краях, а также и в крупнейших политических и хозяйственных центрах страны.

Д. АЛЕКСИЧ

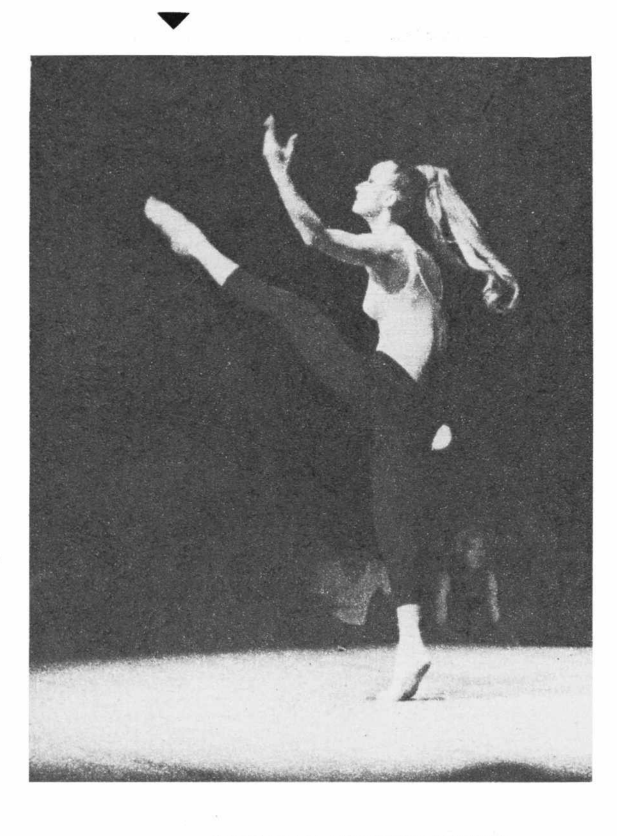

В ПЛАВАНИИ — «ГАЛЕБ»

Курсанты Военно-морской академии во время плавания по Средиземному морю на учебном корабле «Галеб». Один из обязательных инструментов, с которым каждый моряк должен уметь обращаться,— это секстант, помогающий определить положение корабля.

ЮБИЛЕЙ БАЛЕРИНЫ

Прима-балерина Душка Сифниос, одна из лучших югославских танцовщиц, известна зрителям многих стран.

Недавно на сцене Народного театра она отпраздновала двадцатилетие своей творческой деятельности. Она с успехом выступила в сценах «Болеро» Равеля, «Смерти Изольды» Сен-Санса и «Чудесного мандарина» Бартока.

СОРЕВНУЮТСЯ ЛУЧШИЕ

В городе Чачаке, а точнее, в школе для квалифицированных рабочих «Бранко Милошевич — металлист», проходил седьмой фестиваль труда молодежи Югославии. Свыше тысячи юношей и девушек из всех республик и краев Югославии боролись за звание лучшего в своей профессии. Победители фестиваля получили титул «Чемпион труда» и золотые медали. Трое лучших среди лучших удостоены звания «Абсолютный чемпион труда».

БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ АРЕНА — «УЖИЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ»

Завершен XXI фестиваль югославского художественного фильма в Пуле. Жюри присудило премию — Большую золотую арену фильму «Ужицкая республика» режиссера Жике Митровича.

Рабочий момент съемок фильма «Ужицкая республика». Слева — режиссер Жика Митрович. Главные роли исполняют Борис Бузанчич и Божидарка Фрайт (вверху в середине).

Милан НИКОЛИЧ

Город на Неве

Это не просто красивый город,
это Ленина город!
Раскрытый, как жемчужная раковина
среди архипелага белых ночей,
вылитый из бронзы Финского
залива,
из золота русской души,
из снарядов «Авроры»,
изваянный фантазией волшебника,
выдержавший блокаду, голод и разрушенья,
он стоит, как седой исполин —
могущественный и величавый!

Нигде я не видел счастливей воды,
чем в Неве,
больше памятников и поэтов,
чем на Невском проспекте,
больше праздничного воздуха,
чем на площадях Ленинграда в мае.
Здесь каждый человек имеет
по одному музею искусства,
по три знаменитых моста,
по тридцать островов,
населенных историей и красотою,
по триста прекрасных садов и фонтанов.
Здесь на каждого человека приходится
по три тысячи красивых продавщиц
цветов сурового севера.

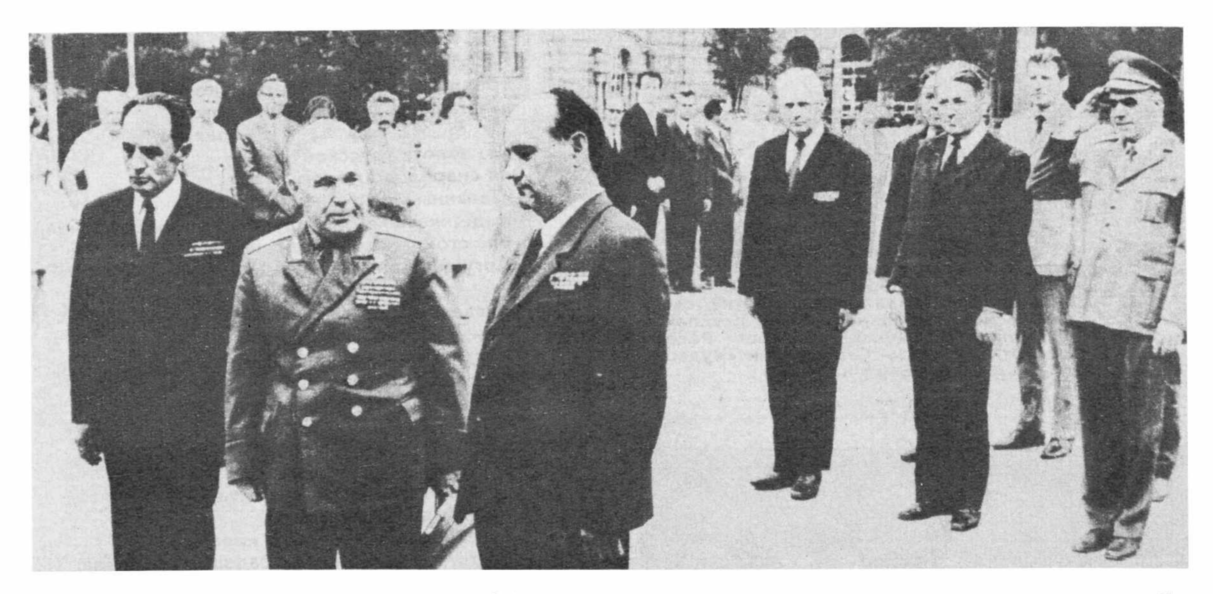
Это не просто красивый город,
это Ленина город!
В понедельник построил его я заново —
камень за камнем.
Во вторник опускал мосты разводные,
чтоб острова протянули друг другу руки.
В среду я заглянул ему в душу
и увидел своей души отраженье.
В четверг я в четвертый раз в Ленинград
влюбился.
В пятницу — в пятый раз влюбился в него.
А в субботу я с ним разлучился,
но сохранил в своем сердце.

Юрэ ФРАНИЧЕВИЧ-ПЛОЧАР

Годы борьбы

Семьсот дней по горам мы лазим,
семьсот темных ночей —
кровавых и ветреных.
Мы семьсот раз поднялись,
получив смертельные раны.
Семьсот бурь ледяных
и семьсот метелей
на нас обрушилось.
Семьсот преград из колючей проволоки
мы одолели —
и столько же вражьих окопов.
В семистах боях одержали победу,
и столько же мостов подорвали,
и столько же дотов разрушили...
Семьсот темных ночей,
семьсот дней кровавых...
Наши сердца пламенеют
огнем домов, обращенных в пепел.
Сколько рук в кандалах!
Сколько кровавых рубашек!
Сколько адских темниц!
Сколько страшных вагонов,
что увозят наших родных на чужбину!
Семьсот кровавых дней,
семьсот кошмарных ночей
мы ходим с оружием
и не просим пощады,
а сами суд вершим над убийцами,
чтоб всех палачей настигло возмездие...
Мы мечтали в снежных пещерах
о весне,
о теплых постелях,
о виноградных гроздьях,
тосковали по дому,
но не падали духом,
потому что верили в нашу победу.

Перевел с сербскохорватского
Владимир ЧЕСТНОЙ.

Белград, 21 июня 1973 года. Делегация Советского комитета ветеранов войны отдает почести погибшим в минувшей войне. На переднем плане слева направо: гвардии подполковник в запасе Н. И. Слепов, Герой Советского Союза генерал-полковник А. Ф. Хренов и гвардии подполковник в запасе Н. К. Абубакиров.

КАВАЛЕР „ПАРТИЗАНСКОЙ ЗВЕЗДЫ"

В. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Его боевой путь шел через Дон к Сталинграду, а затем от Сталинграда через Дон, Днепр, Днестр, Саву, Дунай к Белграду и Грацу. Командир роты и вскоре помощник начальника штаба полка в боях за Сталинград Наиль Абубакиров уже во время Курской битвы был начальником оперативного отдела дивизии. На самых ответственных участках сражений с успехом выполнял он задания командира — дважды Героя Советского Союза и Народного Героя Югославии, гвардии генерал-лейтенанта С. А. Козака и начальника штаба, Героя Советского Союза, гвардии генерал-майора Ф. И. Зиновьева — командования 73-й гвардейской стрелковой дивизии, с которой гвардии подполковник Н. К. Абубакиров провоевал всю войну.

— Сколько горя прошло тогда через солдатские сердца! — вспоминал Наиль Кадырович.— С нашим дивизионным медиком Кремневым мы не раз беседовали об этом и о поиске широкодоступных сердечных препаратов. После войны работы у медиков поприбавилось. А чтобы производить остро необходимый строфантин, нашей стране приходилось ввозить сырье из-за границы, за валюту. Как тут было жить спокойно нам, химикам! Снова, можно сказать, открылся фронт...

И все-таки что же сделано? В центре внимания профессора Абубакирова — отечественная флора, проще говоря, дешевое сырье. Начал он с создания такого препарата, благодаря которому применение в хирургии эфира и хлороформа сократилось вдвое. Но сердечные, сердечные препараты из местных дикорастущих растений! Давняя мечта фронтовая... Он возглавил лабораторию гликозидов. Привычная, кропотливая работа перед решающим рывком вперед. И вот взят первый заветный рубеж: из семян джута создано эффективное лекарство при сердечной недостаточности — олиторизид. Наступательный порыв исследователей нарастает, и вскоре медицина получит еще один препарат — эризимозид, а затем и отечественный строфантин, строфантин-К, отличающийся от зарубежного абсолютным отсутствием вредных примесей!

— Как видите, раньше мы у них покупали, а теперь они у нас,— замечает профессор и высказывает свою главную мысль: — Истреблять болезни сообща — разве это не благородное дело всех народов?

Абубакиров показывает медаль лауреата Государственной премии Узбекской ССР имени Бируни. Это награда за создание и внедрение в медицинскую практику новых лекарств.

— А это что за иностранный боевой орден? — обратил я внимание на необычную красную звезду рядом с двумя нашими орденами Красной Звезды, орденами боевого Красного Знамени, Богдана Хмельницкого и Отечественной войны I и II степеней.

— Югославская «Партизанская звезда» за освобождение Белграда,— говорит Наиль Кадырович.— Тридцать лет прошло с того дня, когда наша гвардейская дивизия с боями ворвалась в столицу Югославии. Я был тогда координатором взаимодействия наших подразделений с частями Народно-освободительной армии Югославии. Мои бойцы первыми водрузили Красное знамя над Белградом...

— Бывали в Югославии после войны?

— В прошлом году — спасибо, не забыли югославские побратимы! Был в составе советской делегации по приглашению Союза борцов Югославии. Белград... Теперь чуть выше по течению, почти рядом с железнодорожным, на высоких опорах перекинут через Саву новый магистральный мост. Красавец! Но что поделать, мне особенно дорог тот стоящий и сейчас старый мост, спасенный совместным подвигом белградского учителя Миладина Зарича, с риском для жизни перерубившего саперной лопаткой провода к взрывчатке, и наших бойцов. Во главе с моим другом, замполитом 211-го полка гвардии майором Никанором Ткаченко они под ураганным огнем врага добрались по мосту к противоположному берегу и заняли плацдарм. А мост-то длиною не меньше, чем наш сырдарьинский!.. Миладин Зарич был представлен к ордену Отечественной войны I степени, а Никанор Ткаченко удостоен знания Героя Советского Союза. Побывал я и на других местах боев, словно с молодостью повидался...

— Боевых друзей встретили?

— А как же! Командир 7-й Воеводинской бригады, Народный Герой Югославии Милан Ешич, партизанское имя его Ибро, только увидел меня, сразу признал: «Да мы же с тобой в одной лодке Дунай форсировали!» И с его связным Радивоем Родославлевичем, по-партизански Батой, как родные братья, встретились и с многими-многими другими... Отдали мы честь и тем, кто сложил свои головы. Можно передать через «Огонек» братский привет югославским друзьям к 29-й годовщине провозглашения республики? — вдруг спросил Наиль Кадырович.

— Конечно!

Взяв лист бумаги, он написал:

«С большим праздником, друзья! Мы вместе дрались за общие идеалы. Вражеская пуля не делала различия между нами. За свободу и независимость народов Югославии отдали свои жизни мой дорогой друг, заместитель командира по политчасти 211-го гвардейского стрелкового полка, Герой Советского Союза Никанор Ткаченко и комиссар батальона Первой Пролетарской бригады, Народный Герой Югославии Блажо Попивода, на улицах Белграда пролилась кровь командира батальона Шестой Пролетарской дивизии Милана Дракулича и командира мотострелкового батальона Четвертого гвардейского механизированного корпуса Василия Мозгового. Не побоявшись, что его убьют, подполз к вражеским пулеметам и уничтожил гранатой их расчеты старший сержант Иван Адаменко, а боец Младен Петрович ценою своей жизни водрузил трехцветный флаг своей родины на здание гостиницы. Оба мужественных солдата посмертно удостоены звания Героев. А сколько воинов лежит под плитами с лаконичной надписью: «Непознатый герой»? Вечная слава павшим!

Так будем же достойны памяти погибших бойцов и сделаем все, чтобы дружественные отношения между нашими странами росли и крепли! Пусть боевое братство, наша совместная борьба явятся для подрастающего поколения примером интернационализма и бескорыстной дружбы!»

Ташкент.

Джордже Крстич
(1851—1907).
У ИСТОЧНИКА.

Пая Иованович
(1859—1957).
УБИРАЮТ НЕВЕСТУ.

Иован Бьелич.
САРАЕВО.

Юрий БОНДАРЕВ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

БЕРЕГ

Часа через полтора в сумрачное помещение, насквозь пропахшее нечистым бельем, где на исцарапанной надписями скамье, морщась, вздрагивая, лежал Никитин, вошел милиционер и строго потребовал, чтобы тот умыл лицо и следовал за ним. Никитин умылся под краном милицейской уборной, вытерся носовым платком, и его вторично привели в комнату дежурного.

И, еще переживая чувство унижения при воспоминании о душащем его неподвольном полусмехе-полурыдании в присутствии милиционеров, Никитин вдруг с удивлением и тревогой увидел возле барьера дежурного пожилую сухонькую женщину, бледную, перепуганную, в старомодной шляпке, в стареньких туфельках, она смотрела на него взглядом беспомощного ребенка и повторяла почти шепотом:

— Вадим Николаевич, Вадим Николаевич, что с вами?

Это была его квартирная хозяйка Мария Павловна Стешнова, у которой он снимал комнату, вдова профессора-историка, умершего в войну,—существо доброе, стеснительное, краснеющее от любого грубого слова,— и Никитин, соображая, зачем, каким образом она оказалась здесь, мгновенно представил ее глазами свое разбитое, наскоро умытое лицо, донельзя разорванный пиджак и глухим голосом спросил дежурного, для чего в милиции Мария Павловна.

— Вызвал. По домашнему телефону, который вы сообщили,— ответил дежурный мрачно.— Вот ваш квартирант, Мария Павловна. Хорош? А?

— Я? Вам? Дал телефон? Что за ерунда!— не понимая, сказал Никитин.— Никогда! Я вам не давал никакого телефона!

— Что, что с вами, Вадим Николаевич, что с вами?— растерянно выговорила Мария Павловна и присела на краешек скамьи.— Вы же никогда не пили! Боже мой, кто вас так избил?

— Его изобьешь!— заметил дежурный; нетающий ледок стоял в его поднятых на Никитина непоколебимых, как сама истина, глазах.— Вот каким образом, Мария Павловна, на первый раз мы поступим, вот каким образом. На первый раз... Вы от нас берите его и везите на квартиру. Под вашу личную ответственность. Все. Идите. Вот паспорт. Не верится мне никак, гражданин Никитин, что вы статейки в печать пописываете. Напиваетесь и налеты на людей учиняете. Как это называть?

— Ради бога, Вадим Николаевич, ради бога, идемте скорее отсюда,— забормотала, оробело заспешила Мария Павловна.— Пойдемте домой, голубчик, вам холодный компресс надо. Как же вы сейчас на улицу покажетесь?

Она извинительно закивала старомодной шляпкой дежурному, взяла руку Никитина дрожащими пальцами и потянула осторожненько к выходу, вроде бы нисколько не уверенная, что вот сейчас ее выпустят отсюда вместе с Никитиным и все обойдется, все станет на прежние места.

— Извиниться бы вам следовало, гражданин Никитин,— сказал дежурный хмуро.— Ни в какие ворота не лезет, набезобразили...

— Голубчик, Вадим Николаевич, извинитесь, ради бога!

— Простите, Мария Павловна, одну минуту...— задержался Никитин, и злая едкость качнулась в его душе; он взглянул на дежурного насмешливо.— Вы правы. Я напиваюсь и по ночам граблю, вырываю у людей деньги. Вы со всей очевидностью установили истину. И мои деньги отдали этому великолепному, честному парню. Желаю вам всего хорошего. Черт с ними, с деньгами. Но извиниться, к большому сожалению, я не могу.

— Идите, идите!— раздраженно поторопил дежурный.— Болтаете много, гражданин Никитин! Оч-чень много болтаете, хоть и статейки пишете!..

Потом на улице, тихой, побеленной близким рассветом,— четко виден был сереющий асфальт, мостовая, рассеченная полосами трамвайных рельсов,— Никитин, подавленный вызовом Марии Павловны в милицию, неловкостью, все-таки спросил ее, неужели звонили на квартиру, разбудили ночью, справлялись о нем, и стал извиняться за глупейшее и непредвиденное беспокойство, по его вине причиненное ей ни за что ни про что в результате идиотского недоразумения.

А она сконфуженно слушала его, согласно встряхивала наивной и нелепой шляпкой и ничего не спрашивала, вздыхала тихонько, подобно кроткому ангелу-хранителю, не требующему оправданий.

«Как же я раньше... не знал ее?»— подумал Никитин.

Он жил у нее более года, но за это время, кроме обязательных фраз, они, казалось, не обмолвились ни одним искренним словом.

— Мария Павловна...— охрипшим голосом сказал, проклиная себя, Никитин, охваченный стыдливой и благодарной нежностью к ней.— Мария Павловна, простите... Я был неаккуратен... У меня просто не было денег. Я ведь должен вам за четыре месяца. А вы не спрашивали... У меня теперь есть деньги. Пожалуйста, я сейчас заплачу вам все... Простите меня...

И он поспешно принялся рыться в карманах, собирая смятые деньги, а когда уже в замешательстве пересчитал купюры несколько раз — денег, в общем, не было: от трех тысяч оставалось семьсот пятьдесят рублей с мелочью. Он вспомнил летнее кафе в Парке культуры, салон речного трамвайчика, где не Вихров, а он платил за все, и никак не мог взять в толк, почему же так много было истрачено денег — тем более в минуты драки, кажется, никто из парней не успел обчистить его карманы.

— Простите, Мария Павловна, я, по-моему, потерял деньги,— проговорил Никитин, сгорая от собственной лжи, и как-то спеша, неудобно начал совать ей в руку комок денег.— Здесь за два месяца... Остальные я потом, потом. Очень скоро, поверьте мне.

Она с испугом остановилась, пятнисто и ало краснея, что бывало при виде грубости или намека на грубость, замотала шляпкой смущенно.

— Бог с вами, Вадим Николаевич, какие сейчас деньги, послушайте... Не надо, не надо, ради бога. Когда будут, тогда и отдадите. Я потерплю, потерплю, мне сейчас не надо.

— Мария Павловна!— взмолился он.— Я прошу вас!

— Не надо мне, не надо,— запротестовала она и при этом руку протестующе завела за спину.— Идемте же, Вадим Николаевич. Сейчас вам надо холодный компресс на лицо, а то как же вы?.. И, пожалуйста, неудобство свое забудьте. У меня ведь сын был. Я многое понимаю...

Он шел рядом с ней, чуточку придерживая под локоть, как мог бы держать только мать, которой не было в живых, и всю дорогу бормотал ненужные извинения, боясь споткнуться и помешать движению ее легкого, сухонького тела.

Много лет спустя, будучи зрелым человеком, восстанавливая в памяти тот день и ту ночь, он испытывал странное, пугающее его чувство: упоение добром, щедростью и любовью было равно одержимому упоению ненавистью.

●

— Нас разъединяли забытые сороковые годы, но... сейчас нас разъединяют политические системы. Я за мир между русской и немецкой интеллигенцией, господин Никитин. Как по-русски? Н-на ваш-ше здоровье!..

— Эта русская фраза уже стала международной. Ваше здоровье, господин Дицман!

Они сидели около камина в большой гостиной госпожи Герберт, ворсистый ковер подстриженной лужайкой зеленел под светом торшеров, пружинил под ногами, потрескивали, несильно постреливали разгоревшиеся поленья, и вместе с благостным целебным жаром и вкусом коньяка, отпиваемого между фразами, Никитин чувствовал некое ироническое веселье духа, готовый вне зависимости от того, какие вопросы хотят и будут задавать ему, заранее безошибочно предположить степень отчуждения своего и чужого, пропитанного долей ядовитого политического скептицизма, всегда возможной межи, даже на этой домашней территории немецкой гостиной, с ее приятным, умиротворенным комфортом, коврами и тишиной, по-видимому, особенно располагающей для вечерних разговоров вблизи разожженного камина.

После того, как он и Самсонов вошли в гостиную и хозяйка дома, госпожа Герберт, привезшая их на машине из отеля, представила обоих собравшимся здесь, по ее словам, избранным, близким друзьям, после принятых в таких случаях поочередных знакомств, корректных вопросов о дорожной усталости, необязывающих замечаний по поводу сырой гамбургской осени, которая, к сожалению, в нынешнем году необычно дождлива и простудна, после вежливого выяснения, кто и что будет пить, господин Дицман, главный редактор крупнейшего издательства «Вебер», где были переведены последние романы Никитина, с намекающим подмигиванием завладел сразу двумя бутылками (мозельское и коньяк — про запас!) и довольно настойчиво отвел Никитина в угол гостиной, со смехом сообщив остальным, что он на время аннексирует советского писателя для выяснения некоторых истин.

Но госпожа Герберт весело сказала, что она не позволит отдавать русского писателя на растерзание альтернативами немецкому критику, ибо слишком хорошо знает эгоцентризм господина Дицмана, поэтому приглашает гостей к камину, поближе к огню, для общего разговора. И тогда заковылял к столику плотным коренастым телом, уютно развалился в мягчайшем кресле, заблестел лысиной краснолицый издатель господин Вебер, и гибкой змейкой села рядом его жена Лота Титтель, популярная актриса театра, высокая, узкобедрая, говоря хрипловатым, как бы ломающимся отроческим контральто:

— О, я хочу посмотреть на Восток и Запад. Чем это кончится? Объявлением войны?

Ни на минуту не сделав передышки, господин Дицман, одержимый жадностью натренированного ума, вгрызался в Никитина, словно обрадованный нечастой этой возможностью, и быстрота его речи, наркотический блеск подвижных глаз на бледном лице, его безостановочные движения сухих пальцев, которыми он то сжимал стекло бокала, пригубливая, то живо

Продолжение. См. «Огонек» №№ 45—48.

подносил к островатому носу раскрытую пачку сигарет, порывисто втягивая табачный запах (он бросил курить из-за недавнего сердечного приступа),— его жесты и речь сначала настроили Никитина на полусерьезный лад, на свойственную литературным салонам игру умственных упражнений, он подумал: «Пожалуй, господин Дицман из бывших и ловких репортеров». Но чем дальше продолжалась эта «игра», тем все глубже и серьезнее погружался в нее Никитин, уже заинтересованно поглядывая на нервные руки Дицмана, когда тот, наслаждаясь платоническим вожделением, нюхал раскрытую пачку сигарет. Самсонов по просьбе Никитина переводил дословно только сложные фразы, и вид его был солидно-невозмутимым, пиджак, застегнутый на все пуговицы, круглился, натянутый животом; ему было жарко около камина, капельки пота выступили на лбу.

Госпожа Герберт сидела напротив Никитина, воротник черной кофточки, наподобие свитера, облегал белую шею какой-то грубоватой мужской нежностью, продолговатый золотой медальончик покачивался на мельчайшей цепочке, ее волосы, по-русски убранные пучком, поднятые над маленькими ушами, ровно отливали полосами седины, и эта заметная седина загадочным разительным несоотношением разрушала при беглом внимании чересчур аккуратную подобранность ее по-девичьи опрятной фигуры. И Никитин мимолетно подумал, что подобное несоответствие бывает у женщин, ни разу не рожавших, может быть, из-за нелюбви к детям, может быть, по причине аскетической воздержанности, которая заставляет тщательно и всю жизнь ухаживать за своим телом.

Это, видимо, было не совсем так — госпожа Герберт по-монашески не ограничивала себя, пила коньяк, много курила, ее глаза проступали за сигаретным дымом, казалось, налитые тихим возбуждением, пристально светились синей влагой.

Ее взгляд все чаще наталкивался на взгляд Никитина, как-то понемногу раздражающе начинал беспокоить его порой встревоженной мгновенной улыбкой, будто она подробно, украдкой для других, изучала и его костюм, и галстук, и его запонки, когда он отпивал коньяк или зажигал спичку, и ему невольно хотелось пошевелиться под ее взглядом, переменить позу, точно долго и надоедливо фотографировали его.

Раз госпожа Герберт, опуская улыбающиеся глаза, стряхнула пепел с юбки, затем тронула кончиками пальцев медальончик на груди, тогда Никитин не без досадливой подозрительности засмеялся в душе, предположив, что хозяйка дома на самом деле фотографирует его этой штучкой, возможно же, записывает его тайным крохотным магнитофончиком. «Но зачем? Прок-то здесь какой? Вздор и чепуха!» И, кратко ответив на очередной вопрос господину Дицману, он мысленно отверг унизительное свое предположение и, стараясь не смотреть на госпожу Герберт, вдруг вновь почувствовал на себе ее ищущий пристальный взгляд. Как от чужого прикосновения к коже, как от сквозного холодка, он нахмурился, взглянул и так неожиданно близко увидел ее лицо, не успевшее измениться, обмануть его, скрыться за дымком сигареты, что даже озяб, содрогнулся. Он был удивлен ее слабо дрожащей в уголках губ виноватой полуулыбкой-полугримасой, ее вопросительным и нежным, смешанным со страхом, излучением остановленных перед ним глаз, этим, чудилось, знакомым выражением, напомнившим что-то больно, туманно и неуловимо. «Что это напоминало? Что? Может быть, когда-то увиденный во сне синий над фантастическими крышами клочок непостижимого неба, может быть, утренний ветерок в радостном, как детство, солнечном поле с запахами весенних далей?.. Что это? Этого не может быть, я никогда не видел госпожу Герберт, никогда не встречался с ней, только здесь, в аэропорту, впервые... Игра подсознания? Мистика? Совсем хорошо... Не помню, нет, не помню, где я видел этот вопросительный, виноватый и мягкий взгляд. И почему она смотрит так на меня?— подумал он снова и постарался успокоить воображение раздраженным обвинением самого себя в мнительности, но нечто незавершенное оставалось в сознании, некий осколочек неразрешенного беспокойства, какое бывает при поиске утраченной в памяти чужой фамилии.— Нет, не встречал я ее никогда. Сорок пятый год? Война? Берлин? Мы стояли на немецких квартирах? Какая придет в голову несуразность! Помнить выражение взгляда? Я ее где-то видел? Да сколько лет ей было тогда, если уж так? Нет, ее лица я никогда не видел... Ток подсознательности, бред воображения. Однако, может быть, где-нибудь случайно — на улице в Москве, в поезде, наконец, за границей было очень похожее, оставшееся в памяти? Встречаются же люди в разных концах света с одинаковой внешностью, голосом, фигурой, как известно, двойники... Все это похоже на галлюцинацию! Со мной опять происходит неладное...»

Он знал, что был не очень здоров. В последние годы, после смерти шестилетней дочери Оли, с Никитиным от времени до времени случалось странное, порой никак разумом непонятное, лишь объяснимое одним — крайним переутомлением, расстройством нервов. Его стали угнетать по ночам бессонные приступы тоски, угрызения совести, необоримого одиночества,— и мучительным удушьем сдавливало горло, заслоняло дыхание, как в те страшные, незабытые минуты на кладбище, когда он поцеловал, прощаясь, ледяной треугольник ротика своей дочери и увидел сквозь полуприкрытые ее ресницы, опушенные снегом, васильковый, неживой цвет ее глаз, всегда сияющих ему открытой радостью, всегда готовых к смеху, игре, едва она с криком и визгом, мотая соломенными волосами, вбегала к нему в кабинет, словно бы скрываясь от кого-то, и потом с размаху прижималась к нему, вся пахнущая сладкой, детской и птичьей чистотой.

В тот зимний день на кладбище ему мнилось, он сошел с ума: он ощутил или ему вообразилось, что маленький холодный ротик дочери с нерастаявшими снежинками беспомощно слабенько шевельнулся в ответ на его последнее прикосновение, и этот пахнущий зимой холодок ее губ вполз в него бесконечной, разрывающей душу мукой.

Он не мог оставаться в Москве, в осиротелой, ставшей большой сразу квартире, где еще звучал, жил живой топот, визг, крики и запах Оли, где в кроватке еще лежали ее собранные игрушки. Он уехал из города и до одурения, до полной бессонницы, до галлюцинаций, работал на даче один, совсем один в пустом доме без телефона, поздними вечерами затапливал печь, часами смотрел на огонь, слыша осторожно скребущуюся возню мышей в старом шкафу, вздрагивая при выстрелах закоченевших в саду деревьев на лютом морозе. Раз глубокой ночью среди полнейшей тишины сидел за столом, залитым белым светом лампы, и внезапно, весь охолонутый ударом страха, услышал негромкий, вкрадчивый стук в окно кабинета, и, не находя силы выпрямиться, встать, отдернуть занавеску, он с ужасом предчувствия (кто мог стучать в окно второго этажа?) подумал о каком-то предупреждении рока, о каком-то сейчас случившемся несчастье с женой, и, мертвея, в ознобе, на непослушных ногах поднялся из-за стола, еле отодвинул занавеску, боясь увидеть и представляя за стеклом грозный и неотвратимый знак судьбы... Но там никого не было. Морозная ночь, чернея вершинами елей в темном небе над крышами поселка, сверкала в пустыне неба, переливалась созвездиями, и крупная, прекрасная, как первая любовь, голубая звезда нежно и космато мерцала, пульсировала, порхала на одном месте — над заваленным сугробами коридором просеки.

И, прислонясь лбом к мерзлому стеклу, он тогда подумал, что Оля ушла из этого земного мира, так и не увидев, не познав, не ощутив вот такого ночного неба, в котором было все: жизнь, юность, молодость, ожидание любви, сожаление о невозвратимо прожитых годах и где была непостижимость Олиной смерти, уже выраженная беспощадной невозможностью видеть ни само это небо, ни это далекое, околдованное порхание пылающей звезды...

На рассвете, в глухой стуже, хрустящей, деревенской, сугробной, он побежал на станцию, разбудил ничего не соображавшего дежурного, кинулся к телефону, набрал номер московской квартиры, а когда отозвался в трубке сонный, захлестнутый испугом голос жены, спрашивающей, что случилось, задохнувшись, ответил шепотом: «Я хотел услышать тебя»,— и затем целый час стоял на перроне, курил, справляясь с сердцебиением.

Это тихое сумасшествие продолжалось до осени.

— Вы сказали, господин Дицман, что вы за мир между интеллигенцией. Какой смысл вы вкладываете в свой лозунг?

— Не лозунг, а вера, господин Никитин. В других лозунгах я давно разочаровался. Вы хотите коснуться политики?

— Сейчас — нет. Воздержимся по мере возможности.

— Если они объединятся,— проговорил все время молчавший господин Вебер и залился смешком, погонял соломинкой в коктейле ломтик лимона,— то организуется какая-нибудь чепуха и очень и очень большая говорильня. Каждый день начнут что-то придумывать немыслимое. Какую-нибудь карманную революцию. А я, не интеллектуал, а издатель, что буду делать я? Я останусь реалистом. Нет, нет? Я буду по-прежнему выпускать книги на спрос и выпускать программы по телевидению, скажете нет? По вечерам во всех немецких домах будут смотреть меня, а не слушать вашу заумную болтовню. Нет? Нет? Детективные фильмы, ревю, хорошая реклама — для немцев гораздо больше, чем словесные закавычки интеллектуалов.

— Теперь видно, что вы капиталист,— сказал Самсонов и пошутил:— Даже по внешнему виду вы похожи на представителя крупного капитала.

Господин Вебер, удобно развалившийся в кресле перед камином, полненький, краснолицый, с крепкой и гладкой лысиной, пил мало, казалось, в дреме потягивал через соломинку лимонный коктейль и после замечания Самсонова почмокал губами, небольшие умные глазки его стали чутко-внимательными.

— Внешне я похож на вас, господин Самсонов.— Принимая шутку, Вебер благодушно очертил соломинкой в воздухе габариты Самсонова.— Похож, хотя, по вашим законам, вы не имеете права владеть ни издательством, ни акциями телевидения. Нет? Нет?— Он тянул слова, произносил их полувнятно, однако эти вопросительные «Nicht? Nicht?» выговаривал жаргонной скороговоркой, что снижало серьезность его речи и располагало на мирный лад.— Судя по вашим... мм... печатным представлениям, по вашим карикатурам в газетах,— продолжал господин Вебер, и заплывшие смешливые его глазки задвигались весело,— капиталист — это кто? Господин с большим животом, в жилете, сидит на мешке с долларами, к тому же двумя руками душит горло бедного голодного рабочего, и зубы оскалены. Нет? Нет?

— Имело место, господин Вебер,— согласился Самсонов, потянув ниточку разговора к себе.— А как иначе прикажете показывать капиталиста? Разве это не отвечает сути?

— В этом случае вы можете со мной не спорить,— совсем добродушно возразил Вебер.— Я давно собираю коллекцию карикатур на капиталистов. Изо всех газет мира: я должен видеть свой облик в понимании других. Карикатура в ваших коммунистических газетах — это, надо полагать, политическое отношение к моему классу... И это мне интересно знать. Лота!— И он помахал соломинкой в направлении бутылок на столике, ласково прищуриваясь на молодую свою жену.— Что-что, а я умею считать, по два куска льда ты кладешь в виски. Не сядет твой голос? Нет, нет?..

— Ты почему-то хочешь знать, что думают о твоих деньгах люди, презирающие деньги,— сказала Лота Титтель низким контральто.— Твое хобби приносит тебе сомнительное удовольствие.

— Как у нас, так и у них политическая карикатура — жалкая и грубая пропаганда, рассчитанная на толпу!— вставил господин Дицман и поднес к носу пачку сигарет, вдохнул сильно запах табака.— Я не хотел бы сейчас копаться в дрянной политике! От нее болит голова. Не так ли, господин Никитин?

— Так. И не совсем так. Что может современный человек без политики?

— О, господин Никитин?

— Вот что я вам скажу, господа, насчет политики без всяких «о»,— решительно, по-мужски вмешалась Лота Титтель, и косметически

красивое, удлиненное ее лицо с веерообразными ресницами и ниточками бровей страстно порозовело.— Я почувствовала на своей шкуре эту самую политику, если хотите знать! И это было неприятно. Я недавно была приглашена в Польшу, пела немецкие песенки, немного классики, немного мировых шлягеров. Мне заказывали прямо из зала... Меня нигде так не встречали, как в Варшаве! Я просто влюбилась в поляков! Потом я допустила идиотский просчет. Мне нравится песня о Тамерлане. Очень популярная у нас, на Западе. Страшный восточный завоеватель, жестокий и сильный, после того, как завоевывал города, он желал обладать пленницами. И набрасывался на них, как зверь — р-р-р!— Она положила янтарный мундштук, заправленный ментоловой сигаретой, в пепельницу, изобразила длинными скрюченными пальцами, как Тамерлан, исполненный дикой страсти, набрасывается на пленниц, и продолжала:— Этот шлягер заканчивается пристальным взглядом в зал и вопросом: «А есть ли среди вас Тамерлан?» Сначала в зале было тихо, мне никто не аплодировал. И только через минуту похлопали из вежливости. Вот как я обидела моих любимых поляков...

— Когда вы едете, прелестная Лота, на Восток, следует тщательно выбирать репертуар,— не отнимая пачку сигарет от раздувающихся ноздрей, заметил иронически Дицман.— Восток не всегда воспринимает юмор западного толка. Между нами есть особенности.

— Разумеется, господин Дицман,— не без яда сказал Самсонов.— Восток до сих пор занят проблемами белых медведей, мешающих трамвайному движению, и проблемой покупки валенок для посещения театра.

— О, о!— вскричал, оживляясь, Дицман и, бросив пачку на столик, поднял обе руки.— Сдаюсь, атака с Востока! Тогда ответьте мне, господа русские, почему ваши солдаты насиловали немок, когда вошли в Германию?

— Насиловали? Вы убеждены?— удивился Никитин.— Так уж и подряд?

— Я знаю, господин Никитин. И не один случай.

— Но, может быть, потому, что в некоторых случаях немки сами хотели испытать этого восточного Тамерлана. Возможно считать и так?— ответил Никитин, сохраняя меру светской вежливости.— Категорическое утверждение всегда рискованно, господин Дицман.

Тотчас все повернулись к нему, настороженные повышенным интересом, вроде бы ответ его снял с чего-то табу, госпожа Герберт, опустив глаза, молитвенно тронула медальончик на груди, погладила, потеребила его, натягивая маленькую цепочку; господин Вебер сквозь пыхтенье пустил смешок, Дицман заострил насмешливый взгляд, приготовленный к возражению, однако Лота Титтель неожиданно подбоченилась по-крестьянски и, тряхнув по плечам золотисто-рыжими ручьями волос, воскликнула утвердительным голосом:

— Правильно, господин Никитин! Женщину невозможно изнасиловать, если она не желает! А я хочу сказать о другом — о поляках, господа! Я полюбила умных, тонких и музыкальных поляков. Они гостеприимны, воспитанны, они ничего не говорили о войне при мне. Они молчали. Они не хотели напоминать. Когда я сказала, что хочу посмотреть Освенцим, мне ответили, что этого не надо делать, мне, немке, будет неприятно. Тогда я настояла, и поехала в Освенцим, и сама увидела настоящий ад. Там можно сойти с ума, достаточно представить! Безмозглые садисты — вот кто они были, военные немцы! Мне хотелось царапать морды нашим эсэс! И вот что я вам скажу: теперь смешно говорить про какое-то дурацкое изнасилование бедных и невинных немок. Нам следует просто заткнуться!

— Война есть война, милая Лота,— сказал Дицман, усмехаясь.— Многим немцам, как типу, свойствен не садизм, а мазохизм, выраженный в беспрекословном послушании. Война — это приказ. Вы плохо знаете ту пору, прелестная Лота!

— Война — это дерьмо, дерьмо без всяких интеллигентских философий!— скандально оборвала Лота Титтель и дымящейся в мундштуке сигаретой показала на господина Вебера, взглянувшего на нее из глубины кресла нежно-снисходительными, расположенными к любой ее детской шалости, припухлыми глазками.— Мой капиталист не захотел взять на телевидение фильм, который я сняла в Освенциме. Он говорит, что этого никто не будет смотреть, а сам напичкивает программы дерьмовыми американскими детективами, этим киномусором вестернов для канализационной трубы! Одно и видишь: потертые джинсы на острых мужских виляющих задницах и — пиф! паф! Уэл, уэл!— Лота Титтель скривила рот, произнося задушенным басом «Уэл, уэл», и щелчками языка произвела звуки беглых выстрелов, нацеливаясь мундштуком в бокалы на столике.— Это нужно только телячьим мозгам, которых слишком много развелось за последние годы! Никто не желает как следует ни о чем подумать! Все думают день и ночь о холодильниках и машинах — и хотят делать деньги, как в Америке!

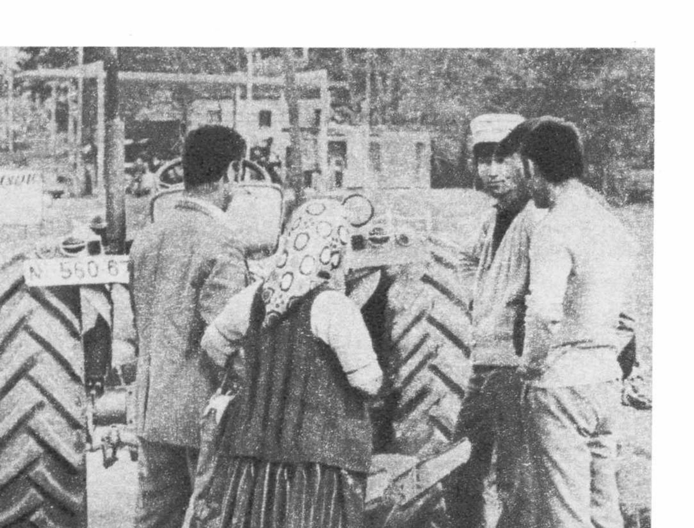
— Лота,— мягко сказал господин Вебер, по-видимому, привыкший к грубоватой несдержанности жены, и спрятал многоопытные свои глазки в бокале с коктейлем, погонял соломинкой ломтик лимона.— Ты в первую очередь очаровательная актриса, а не депутат бундестага от социал-демократической партии... Нет, нет? Сейчас никто не хочет возвращаться к прошлому, беспокоить себя, усугублять комплекс вины. Нет, нет?

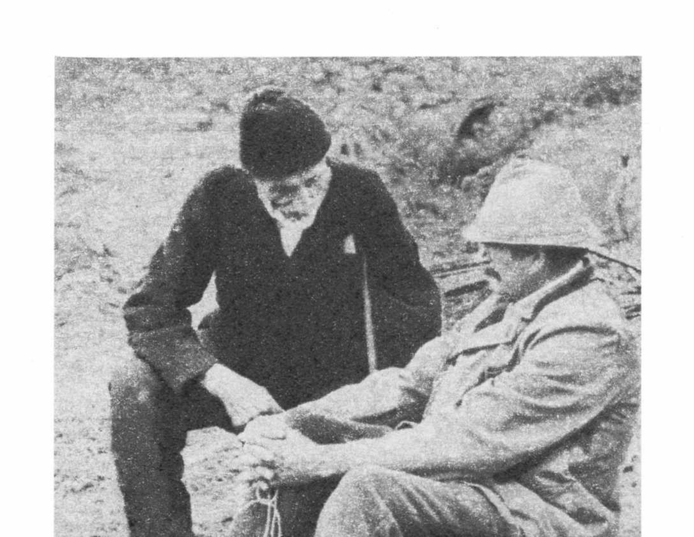
Лота Титтель сделала резкий протестующий жест, опять тряхнула рыжими волосами.

— Потому что политика — все то же дерьмо, Карл! Все, как сумасшедшие, делают деньги, и скоро Германия превратится в последний американский штат в Европе! Мы скоро не будем видеть неба, как разжиревшие и похотливые свиньи! Тебя нацисты морили в концлагере, Карл, но и ты не хочешь ничего вспоминать! Деньги, деньги, деньги!..

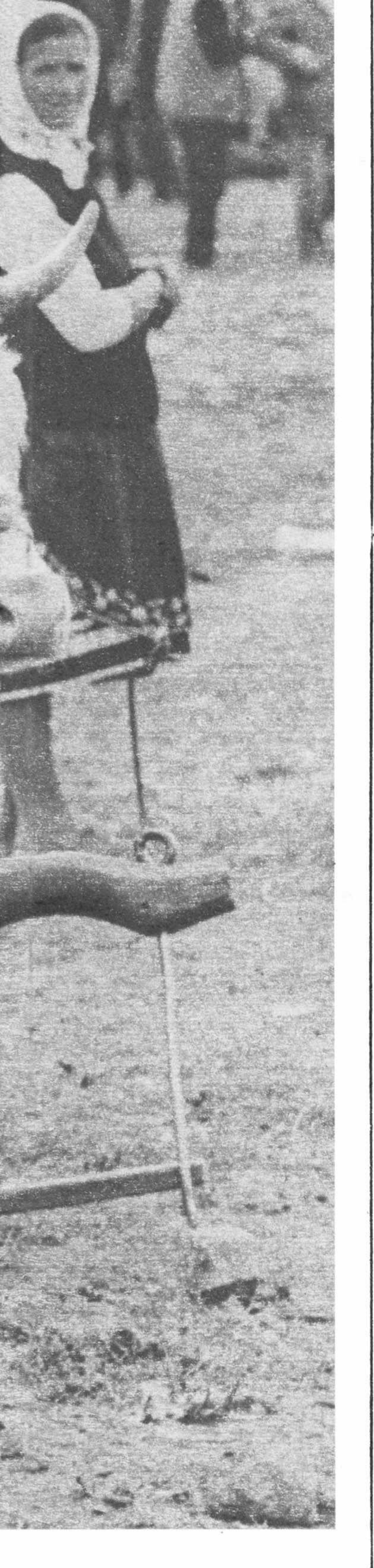
Окончание следует.

ДЕРЕВЕНСКАЯ Я

«Кому перец — красный, душистый, разный!»

«А вот шерсть! Берите, свяжите да носите!»

«Виноград, виноград — покупайте все подряд»!

Ох, и голосистая же ты, деревенская ярмарка! Как славно, как весело потолкаться меж рядов с корзиной в руках! Попробуешь одно, заглядишься на другое, соблазнишься третьим...

Из века в век живет сельская ярмарка. Старый крестьянин сел в сторонке, задумался. Сколько уж было в жизни его этих ярмарочных денечков. Помнит он то время, когда только соха да борона были помощниками земледельца. А теперь поглядите-ка, какие умные да ладные машины пришли на поля. Все вокруг здесь, в Сврлиге, нынче изменилось. Только сельская ярмарка шумит, как прежде. Голосистая, веселая ярмарка!

РМАРКА

5 ДЕКАБРЯ —
ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ СССР

НЕСУЩИЕ СВЕТ

В нашей стране учится каждый третий. Естественная тяга человека к знаниям, подкрепленная конституционным правом на образование, предоставляет советскому гражданину широчайшие возможности для всестороннего развития. Реализация этих возможностей основывается на прочном фундаменте — благодаря неустанной заботе партии и правительства год от года укрепляется материально-техническая база просвещения. Вот и в нынешнем году вводятся в строй учебные здания на 1 миллион 700 тысяч мест.

Осуществляя предначертания XXIV съезда КПСС, педагогические коллективы, партийные организации трудятся над завершением перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи, улучшением качества подготовки молодых специалистов, дальнейшим подъемом уровня обучения и коммунистического воспитания подрастающего поколения. Три четверти ежегодного пополнения рабочего класса составляют выпускники профтехшколы. На каждую тысячу работающих в народном хозяйстве сейчас приходится 62 выпускника институтов и университетов — почти на треть больше, чем десять лет назад. Девять миллионов двести тысяч учащихся и студентов обучаются в этом году в вузах и техникумах.

Эта фотография сделана в Улан-Удэ, где находится Восточно-Сибирский государственный институт культуры. Он объединяет в своих стенах представителей тридцати национальностей и народностей, населяющих этот суровый и прекрасный край. Они станут руководителями художественной самодеятельности, директорами клубов, учителями музыки, танцев, живописи, библиотекарями, многие из них объединят в себе все эти обязанности, приняв на свои плечи нелегкий, но благородный труд «избача» где-нибудь в маленьком поселке или стойбище, затерянном в белых просторах тундры или в малахитовых таежных дебрях.

Призвание их — нести людям свет, радость приобщения к сокровищам культуры и искусства, найти и раскрыть в каждом человеке все богатства его духовного мира.

Фото Э. Эттингера.

Редакция журнала «Огонек» благодарит посольство СФРЮ в СССР, Союзный комитет СФРЮ по делам информации, а также всех товарищей, принимавших участие в подготовке этого номера.

Сало ФЛОР,
международный
гроссмейстер

Фото А. Бочинина.

Напомним, что, когда стартовал матч-турнир претендентов, соискателей насчитывалось восемь: Р. Бирн (США), А. Карпов, В. Корчной, Э. Мекинг (Бразилия), Т. Петросян, Л. Портиш (Венгрия), Л. Полугаевский, Б. Спасский. Фаворитами являлись прежде всего два экс-чемпиона мира — Т. Петросян и Б. Спасский, но их выбили из конкурса В. Корчной и А. Карпов, которые и стали финалистами.

Теперь мы знаем результат финала: победил дебютант, самый молодой участник! Что же получается? Лучше быть молодым? Конечно!

В вышеупомянутой компании А. Карпов физически самый слабый, так сказать, гроссмейстер легкого веса. М. Эйве шутливо сказал, что в матче с Кассиусом Клеем у него не было бы ни малейшего шанса. Но в шахматы играют в основном головой. А голова работает у Карпова великолепно!

Ажиотаж в начале спортивного конфликта А. Карпов — В. Корчной оказался столь большим, что попасть в Колонный зал Дома союзов было почти так же трудно, как на хоккей СССР — Канада. Когда же Карпов захватил лидерство — 2 : 0 и затем даже 3 : 0, интерес к матчу значительно ослаб. Только на финише Корчному удалось снизить разрыв до минимума, и партии матча снова стали проходить при аншлаге.

Сегодня, когда матч закончился, любители шахмат получают по некоторым, до сих пор неясным вопросам ответ из уст самих участников. Так, например, А. Карпов заявил, что после 3 : 0 он считал, что матч окончен, и позволил себе расслабиться. Он раскрыл нам загадку 21-й партии, в которой допустил грубейший «зевок» в своей практике: оказывается, Карпов ошибся при домашней подготовке.

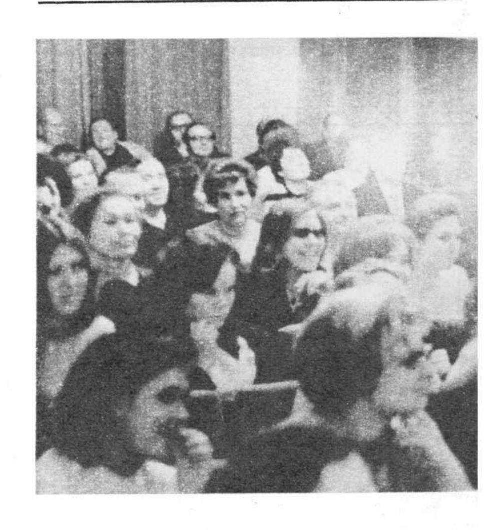
Да, бывает, что и четыре и шесть глаз чего-то не замечают!

Счет 3 : 0 стал в семнадцатой партии. Именно на этой партии хочется остановиться подробнее, ведь теперь я уже не арбитр и не обязан молчать.

За несколько минут до начала этой партии мы с О'Келли беседовали с Карповым. Он был очень разговорчив.

— Сегодня семнадцатая партия,— напомнил он нам,— а ведь Корчной угрожал, что после семнадцатой партии он со мной покончит.

Вот почему в этот день Карпов был настроен особенно по-боевому, и его победа именно в семнадцатой партии была большим спортивным и моральным успехом молодого гроссмейстера. С другой сторо-

КАРПОВ - ЭТО СИЛА!

ны, поражение для Корчного явилось неприятнейшим психологическим ударом, и он не отрицает того, что после проигрыша этой партии перестал верить в свой успех.

Но Корчной — это Корчной! Даже в такой трудной, казалось бы, совершенно безнадежной матчевой ситуации он продолжал мужественно сражаться. Он не только сопротивлялся, но так обострил ситуацию, что исход поединка буквально повис на волоске. Пришлось сыграть все партии, прежде чем Карпову удалось поставить точку над «i». Только в 24-й партии Корчной вынужден был завизировать пропуск Карпова на прием к Роберту Фишеру, и тот факт, что у Корчного нашлась выдержка, несокрушимая воля к победе, делает успех Карпова еще более значительным.

В смешном положении сегодня оказались некоторые иностранные гроссмейстеры, которые заявили, что матч может кончиться при счете 5:0, 5:1 в пользу Карпова уже после 12—14-й партий.

Многие любители шахмат, читатели газет были удивлены и явно недовольны «скучным» течением борьбы, массовым производством ничьих. Карпов нам дает ответ на этот вопрос. Когда встречаются два примерно равных по силе соперника, то ничьи неизбежны. Кроме того, многое зависит от условий, от системы данного соревнования. Когда Карпов лидировал 2:0, то его секундант С. Фурман, улыбаясь, сказал: «Зачем Толя должен лезть на рожон? Ведь отыгрываться надо Корчному, так пусть он и бросается».

Никто не сомневается в том, что Карпов может играть сильнее, чем он играл в этом матче. Но в отборочном турнире или матче такого высокого ранга участник старается прежде всего выполнить спортивную задачу и меньше думает, как бы создать шахматный шедевр. А спортивную задачу Карпов выполнил.

Масса любителей шахмат удивлена тактикой Корчного в трех последних партиях. Корчному надо было играть остро, рискованно, ва-банк. Терять ему нечего. Уж если проигрывать матч, так с треском. Не все ли равно, какой будет счет — 2:3 или 2:4? На одной из последних партий кто-то из присутствующих хоккеистов отметил: когда нам, хоккеистам, угрожает поражение, мы в последние секунды снимаем вратаря, чтобы атаковать, спасти игру. А вы, шахматисты, что?!.

Конечно, все это отлично понимал Корчной. Он старался спасти матч, но Карпов не дал ему ни малейшего шанса приблизиться к своим «воротам», а тем более создать, так сказать, верный «голевой момент». Корчной ни в одной из трех последних партий не сумел создать малейшей угрозы крепости Карпова.

Символично, что последняя, 24-я партия игралась в Театре эстрады. На этой сцене М. Ботвинник взял реванш у М. Таля, Т. Петросян в 1963 году, а Б. Спасский в 1969 году стали чемпионами мира. И вот Театр эстрады явился последним транзитным пунктом Карпова на пути к шахматному Олимпу.

Трудно передать словами, что творилось в Театре эстрады, когда фоторепортеры дождались последнего рукопожатия двух ленинградских гроссмейстеров. Толкотня была такая, что кто-то воскликнул:

— Не раздавите Толю, ему ведь с Фишером играть!

Победа Карпова заслуженна. С точки зрения дальнего прицела многие ценители считают, что именно у Карпова лучшие шансы во встрече с Робертом Фишером.

С интересом ждали выступления президента ФИДЕ М. Эйве на торжественном закрытии матча. Что нового скажет президент о предстоящем матче Р. Фишер — А. Карпов? Но Эйве сумел лишь отшутиться: никто не знает, какие планы, какие намерения у Фишера. Сам Фишер тоже этого не знает. А если Фишер сегодня что-то знает, то завтра он снова может ничего не знать. Сам же Эйве знает только одно: интерес к предстоящему матчу колоссальный, и многие страны уже выразили желание создать призовой фонд. Называются суммы в размерах миллиона или даже нескольких миллионов долларов.

Карпов накануне турнира претендентов сказал: «Это не мой цикл». Он ошибся. Побольше бы таких ошибок. Раз Анатолий уж так ошибся, то пусть ошибается до конца. Этого ему желают многие любители шахмат. Масса поклонников таланта Анатолия желает ему после Полугаевского, Спасского, Корчного включить в свой победный цикл и... Фишера!

Кто же вы, Анатолий Карпов? Как минимум сегодня вы претендент номер один. А может быть, и без шести месяцев чемпион мира (если Фишер действительно откажется от титула)? А может быть, без года чемпион мира (если Фишер будет играть)? Так или иначе, Анатолий Карпов — это сила! Анатолий Карпов — это наша надежда, надежда прочная, многообещающая...

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

В Московском Доме журналиста состоялась встреча с читателями журнала «Огонек». Вечер вел заместитель главного редактора журнала В. Николаев. С новыми стихами выступили поэты Евгений Евтушенко и Людмила Шаменкова. Композитор Оскар Фельцман исполнил свои песни на стихи советских поэтов. Гроссмейстер Сало Флор рассказал много интересных историй о шахматах и шахматистах. Фотожурналист Г. Копосов показал фотографии, сделанные в поездках. На встрече присутствовали сотрудники редакции Л. Плешаков, Е. Антошкин, К. Барыкин и В. Морозова.

Фото В. Капустина.

КРОССВОРД

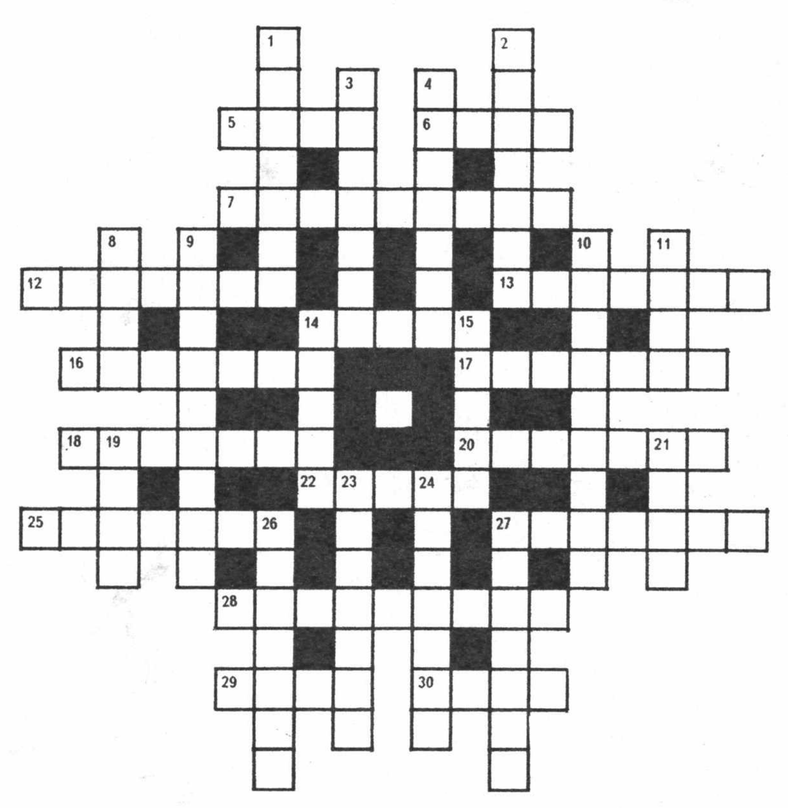
По горизонтали: 5. Поэма Н. А. Некрасова. 6. Французский композитор. 7. Многоголосие в музыке. 12. Остров в Атлантическом океане. 13. Стекловидный слой на керамике. 14. Повесть А. П. Гайдара. 16. Город в Ярославской области. 17. Победитель в конкурсе. 18. Балет С. С. Прокофьева. 20. Грузинский смычковый инструмент. 22. Порода собак. 25. Советский писатель. 27. Денежная единица Парагвая. 28. Сезон судоходства. 29. Предприятие общественного питания. 30. Прибрежная отмель.

По вертикали: 1. Персонаж романа И. С. Тургенева «Накануне». 2. Способ переработки нефти. 3. Полевой цветок. 4. Газета, издававшаяся А. Н. Герценом и Н. П. Огаревым. 8. Зодиакальное созвездие. 9. Птица отряда воробьиных. 10. Снаряжение охотника. 11. Государство в Центральной Америке. 14. Резкий, сильный порыв ветра. 15. Плодовое дерево. 19. Порт в Алжире. 21. Типографский наборный стол. 23. Древнегреческий механик и математик. 24. Млекопитающее семейства дельфиновых. 26. Игрок футбольной команды. 27. Быстроходное судно.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 5. Консерватория. 9. Рокировка. 10. Перигелий. 11. Сталь. 14. Трафарет. 15. Балансир. 16. Колориметр. 17. Этимология. 18. «Живописец». 21. Рубинштейн. 22. Сестрорецк. 24. Державин. 26. Барвинок. 28. Аванс. 30. Аристофан. 31. Иокубонис. 32. Тригонометрия.

По вертикали: 1. Болонка. 2. Пегас. 3. Степь. 4. «Кирилка». 6. Виварий. 7. Акварель. 8. Фламинго. 12. Телевидение. 13. Василевская. 19. Объектив. 20. Резонанс. 23. «Саламбо». 25. Андорра. 27. Везувий. 28. Анион. 29. Ситец.

На первой странице обложки: Старшеклассницы из города Горни-Милановац.

На последней странице обложки: На ярмарке близ Сврлига. * Художники-модельеры швейной фабрики «Тимочанка», которая поставляет в СССР трикотажные изделия. * Новый Белград. * Как тебя зовут, малыш? * Такие сервизы делают в городе Заечаре.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 11/XI — 74 г. А 00671. Подп. к печ. 26/XI — 74 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2686. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2983.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...

Эти пушкинские слова, завораживающие образы, неразрывно связанные с детством, незабываемы. Стремление к прекрасному живет в душе человека. И сказки — как первая ступень к познанию этого прекрасного.

Михаил Адольфович Свирида, инженер химического факультета МГУ, по природе своей романтик. Посмотрите внимательно на эти фотографии, и вы убедитесь в этом. Их мог сделать человек с тонкой душой, любящий и умеющий видеть в окружающей природе прекрасное, чудесное и таинственное.

— Брел я как-то по лесу, увидел обгоревший пенек, хотел его просто пнуть ногой, — рассказывает Михаил Адольфович, — не знаю, что меня заставило остановиться, и тут произошло чудо: на фоне яркого, чистого неба я увидел взлохмаченную фигуру Лешего. И чтобы видение не исчезло, я решил сфотографировать его.

Так появилась одна из фотографий, представленных М. А. Свиридой на наш фотоконкурс. Эта серия — только часть коллекции Михаила Адольфовича. Ведь он увлекается фотографией очень давно. И любит снимать не только природу. Много работ у М. А. Свириды и чисто жанровых, выхваченных прямо из жизни, подсмотренных зоркими и добрыми глазами. Нам показалось, что именно эта «сказочная» серия, представленная на суд читателей, наиболее полно раскрывает дарование Свириды как фотографа, умеющего увидеть чудесное там, где равнодушные пройдут мимо.

В. МОРОЗОВА

СКАЗКИ С

ТАРОГО ЛЕСА

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663